

ПЕРМСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ВЫХОДЯТЪ ТРИ РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ

(1, 11 и 21 ч.).

№ 25.

Цѣна годовому
изданію съ до-
ставкой и пере-
сылкой ШЕСТЬ
рублей.

Подписка при-
нимается въ
редакціи Епар-
хіальныхъ Вѣд.
при братствѣ
св. Стефана.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ: Высочайшая телеграмма. Резолюція Его Пресвященства. Открытіе новыхъ церковно-приходскихъ организацій. Переѣзды по службѣ. Праздныя мѣста. Объявленіе.

Пресвященнѣйшій Палладій Епископъ Пермскій и Соликамскій 22 Августа текущаго года имѣлъ счастье представляться ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ въ Невомъ Петергофѣ.

Высочайшая телеграмма.

Высочайшая телеграмма:
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ благоугодно было осчастливить Пресвященнаго Палладія, Епископа Пермскаго и Соликамскаго, слѣдующей телеграммой:

«П е т е р б у р г ъ.

Пресвященному Палладію, Епископу Пермскому и Соликамскому.

Поручаю Вамъ, владыко, передать съѣзду духовенства и церковныхъ старостъ евѣренной Вамъ епархіи Мою благодарность за молитвы и выраженныя чувства преданности. НИКОЛАЙ».

Означенная ВЫСОЧАЙШАЯ телеграмма послѣдовала въ отвѣтъ на телеграмму Пресвященнаго Палладія, Епископа Пермскаго и Соликамскаго, слѣдующаго содержания:

«М о с к в а.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ.

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШИЙ ГОСУДАРЬ.

Состоявшійся въ городѣ Перми очередной съездъ духовенства и церковныхъ старостъ Пермской епархіи сегодня, 26 Августа, въ славный день Бородинской битвы,

вознесши Господу Богу благодарственные молитвы за милость Божию, явленную Отечеству нашему въ достопамятный 1812 годъ и ознаменовавъ этотъ день постановленіемъ объ учрежденіи при Пермскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ стипендіи въ память Отечественной войны, повергаетъ къ стопамъ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА свои вѣрноподданническія чувства и молитъ Господа Бога о здравіи и долголетствіи ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и ВАШЕГО АВГУСТѢЙШАГО СЕМЕЙСТВА.

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА вѣрноподанный богомолецъ Палладій, Епископъ Пермскій и Соликамскій».

Резолюція Его Преосвященства.

На докладъ Пермской Духовной Консисторіи, отъ 9 Августа 1912 года, за № 710, о внимательномъ отношеніи причтовъ церквей Пермской епархіи къ сбору, въ текущемъ году, въ недѣлю Ваій, на нужды русскихъ богомольцевъ у Гроба Господня и на поддержаніе Православія въ Святой Земль, благодаря чему сборъ этотъ нынѣ выразился въ суммѣ 2,496 руб. 01 коп., болѣе на 960 руб. 18 коп., чѣмъ въ минувшемъ 1911 году, резолюція Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Палладія, Епископа Пермскаго и Соликамскаго, отъ 13 Августа сего года за № 4653, послѣдовала таковая: «Благодарю благочинныхъ и духовенство епархіи за внимательное отношеніе къ Палестинскому сбору, увѣнчавшееся значительнымъ успѣхомъ».

Открытіе новыхъ церковно-приходскихъ организацій.

Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Палладиємъ, Епископомъ Пермскимъ и Соликамскимъ разрѣшено открыть общества трезвости при церквахъ: села Сирвина, Чердынскаго уѣзда, 23 августа; деревни Паль, Осинскаго уѣзда, 23 августа.

Перемѣны по службѣ.

Назначены: на священническую вакансію къ единовѣрческой церкви завода Шайтанки, Красноуфимскаго уѣзда, діаконовъ, состоящій на псаломщической вакансіи при Митрофаніевской церкви завода Добрянки, Пермскаго уѣзда, Александръ **Преображенскій**, 15 августа; на псаломщическія мѣста; къ церкви завода Рождественскаго, Оханскаго уѣзда, послушникъ Крестовой церкви Никифоръ **Брагинъ**, съ возведеніемъ въ санъ діакона, 16 августа; къ церкви села Манчажа, Красноуфим-

скаго уѣзда, бывшій и. д. псаломщика Алтынговской церкви, Красноуфимскаго уѣзда, Іакобъ **Булатовъ**, въ званіи и. д. псаломщика, 22 августа.

Почисленъ за штатъ псаломщикъ Спасо-Преображенской церкви города Кунгура Александръ **Мамаевъ**, 20 августа.

Уволенъ отъ приходской службы священникъ градо-Кунгурскаго Благовѣщенскаго собора Александръ **Динаріевъ**, согласно прошенію, 20 августа.

Исключается изъ списковъ за смертью и. д. псаломщика церкви села Манчажа, Красноуфимскаго уѣзда, Іоаннъ **Самочадинъ**, съ 2 августа.

Праздныя мѣста.

Священническія при церквахъ: Косинской, Чердынскаго уѣзда; Красноуфимскомъ Свято-Троицкомъ соборѣ (1-я вакансія); Кунгурскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ (1-я вакансія).

Діаконскія при церквахъ: Соликамскомъ Свято-Троицкомъ соборѣ (быль священникъ); Артинской православной, Красноуфимскаго уѣзда; градо-Кунгурскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ (быль священникъ).

Псаломщическія при церквахъ: Пермской мужской гимназій (быль діаконъ); Пермской Маріинской женской гимназій (быль діаконъ); Нижне-Сергинской, Красноуфимскаго уѣзда; Урольской (быль діаконъ); Искорской, Юрлинской, Чердынскаго уѣзда; Добрянской Митрофаніевской, Пермскаго уѣзда (быль діаконъ); Еловской, Осинскаго уѣзда, Кунгурской Спасо-Преображенской церкви.

За редактора **А. Успенскій**.

ЗОЛОТЫЯ МЕДАЛИ ЗА КОЛОКОЛА.

ВЕЛИЧАЙШІЙ
колокольный заводъ Поволжья
Бр. ПРИВАЛОВЫ,

въ Н.-Новгородѣ, Канавино.

ВСЕГДА имѣются колокола для продажи отъ 300 пудовъ и ниже, отличающіеся особой мелодичностью, красотой и силой звука.

Поставщики епархіальныхъ зав. г. Симбирска и Самары и магазина Мих.-Арханг. Братства въ г. Оренбургѣ.

Гарантія за благозвучность и прочность колоколовъ.

РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА

Масса благодарственныхъ отзывовъ и высшихъ наградъ на выставкахъ.

Подробные прейсъ-куранты бесплатно.

Пермскія Епархіальныя Вѣдомости

1 Сентября.

№ 25.

1912 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Дидактическіе очерки.

Объ эстетическомъ воспитаніи въ школѣ.

(Окончаніе *).

Чтобы опредѣлить, насколько справедливо это наше положеніе о вредѣ для нашей жизни *излишка* художественнаго элемента въ нашихъ школахъ, необходимо сначала принципиально установить, много ли даетъ человѣку искусство, въ смыслѣ общаго его развитія, и имѣетъ ли оно въ этомъ отношеніи право на то широкое значеніе въ школѣ и въ жизни, какое придаютъ имъ сторонники и покровители эстетическаго воспитанія?

Намъ кажется, что роль въ жизни искусства, какъ оно ни возвышенно и ни прекрасно, не должна быть чрезмѣрно широкой, и, главнымъ образомъ, по слѣдующимъ двумъ соображеніямъ:

Первое. Искусство, какъ продуктъ фантазіи, прежде всего дѣйствуетъ на фантазію же. Хотя психологія и говоритъ о неразрывномъ сплетеніи между собою всѣхъ силъ человѣческаго духа и утверждаетъ, что въ каждомъ психическомъ актѣ непременно участвуютъ всѣ элементы и ума, и сердца, и воли, и воображенія и т. дал., однако, преимущественное участіе въ художественномъ творчествѣ принадлежитъ воображенію и первѣйшее и главнѣйшее дѣйствіе его произведеній обнаруживается на воображенія же. Не глубину и не быстроту мысли воспитываетъ художественное творчество и не волевою силою оно развиваетъ: оно культивируетъ, главнымъ образомъ, нашу фантазію со смѣлостью ея построеній, съ легкостью ея полетовъ. Прочитавши какой либо романъ или драму, мы приходимъ къ мысли не о какомъ либо изобрѣтеніи, не къ рѣшенію исправить жизнь въ какихъ либо опредѣленныхъ ея пунктахъ; мы окутываемся лишь въ туманную атмосферу неопредѣленныхъ мечтаній о чемъ то такомъ, чего нѣтъ теперь, по что, кажется, должно было бы быть. Начать, по прочтенію романа или драмы, положительную работу по отысканію или осуществленію этого не существующаго пока «что то» мы обыкновенно не можемъ, потому что ни романъ, ни драма не даютъ намъ какой

*) См. № 22 „Епарх. Вѣд.“.

любую и сколько любую систематической программы, необходимой для ведения всякаго положительнаго дѣла. По большей части художественныя произведенія даютъ намъ лишь общія настроенія восторга, радости, скуки, тоски, отчаянія, которыя въ послѣднее время очень часто у художниковъ принято отгѣнять или усиливать соответствующей музыкой, пѣніемъ или просто отвѣчающими настроенію звуками за сценой («Вашневый сздъ» Чехова, «Колдунья» Чирикова и др.). Для устранения изъ жизни нежелательныхъ настроеній и для упроченія въ ней настроеній свѣтлыхъ и радостныхъ, человѣку приходится самостоятельно выработать свои программы. Вотъ, здѣсь то фантазія, возбужденная художественными произведеніями, и выступаетъ на широкое поле своей дѣятельности. Въ цѣляхъ лучшаго устроенія жизни, человѣкъ начинаетъ изобрѣтать блестящіе способы, построяетъ изумительные по геніальности планы; все въ природѣ, на землѣ и на небѣ, оказывается фантазирующему человѣку въ этихъ планахъ подвластнымъ и рабски послушнымъ. Въ порывахъ мечтательности человѣкъ легко перевертываетъ весь міръ, пока новыя художественныя произведенія, оказавъ на него новое вліяніе и переродивъ въ немъ новое настроеніе, не заставятъ его выработать новый планъ дѣятельности и перевертывать міръ съ новой стороны. Чѣмъ большее количество сильно дѣйствующихъ художественныхъ произведеній на насъ вліяетъ, тѣмъ напряженнѣе работаетъ наша мечтательность, тѣмъ чаще мы мѣняемъ планы своей дѣятельности и тѣмъ дальше уходимъ въ область туманныхъ настроеній. Обратите вниманіе, какъ рѣдко высказываетъ какія либо цѣнныя сужденія, какъ мало способенъ къ положительной практической работѣ человѣкъ, который по своей профессіи или по своимъ интересамъ ближайшимъ образомъ связанъ съ искусствомъ: у такого человѣка и въ сужденіяхъ, и въ жизни по большей части такъ же все неувѣренно, робко и гибко, какъ въ настроеніяхъ, порождаемыхъ пьесами Чехова или Метерлинка. Наоборотъ, человѣкъ, вносящій въ дѣйствительную жизнь что либо положительное и дающій что либо крупное и выдающееся въ сферѣ практическаго труда, очень мало интересуется и занимается искусствомъ, лѣниво читаетъ беллетристику и почти совсѣмъ не ходитъ въ театръ. У такого человѣка на низкой степени развитія стоитъ фантазія, но въ высокой степени развиты мысль и воля, т. е. тѣ силы, которыя играютъ наибольшую роль въ движеніи нашей жизни впередъ. У человѣка, причастнаго къ искусству, до необычайной силы напряженія доведена способность фантазіи, которая всегда у него какъ бы горитъ въ огнѣ, но у него въ дремотномъ состояніи могутъ находиться способности интеллектуальная и волевая, а потому ему очень часто несвойственна творческая энергія, необходимая для созиданія жизни. Поэтому художественныя построенія принято рѣзко отграничивать отъ построеній научно-логической мысли, какъ не повинующіяся волюнѣ требованіямъ строгаго логическаго мышленія. Мы не имѣемъ въ данномъ случаѣ въ виду геніальныхъ и даже просто талантливыхъ художниковъ, у которыхъ развитіе воображенія, дѣйстви-

тельно, совершалось въ гармоническомъ единеніи съ развитіемъ мысли и воли,—наша рѣчь касается тѣхъ заурядныхъ служителей искусства, которые худосочность своей мысли и анемію своей воли думаютъ вознаградить изнуренностью фантазіи, и еще въ большей степени наша рѣчь касается тѣхъ безчисленныхъ поклонниковъ искусства, которые на каждомъ шагу встрѣчаются намъ въ видѣ, напр., гимназистокъ-театралокъ, гимназистовъ-скрипачей, семинаристовъ-пѣрцовъ и артитовъ, коммерсантовъ-живописцевъ и т. дал. и т. дал. Гипертрофическое развитіе фантазіи, подъ вліяніемъ увлеченія искусствомъ, создаетъ не крѣпкихъ работниковъ въ жизни, не настоящихъ двигателей ея, а только безсильныхъ мечтателей и фразеровъ, въ родѣ Манилова, Рудина, Обломова, Иванова и др., которые, какъ Рудинъ, Ивановъ и Обломовъ, могутъ быть съ головы до ногъ начинены «благими порывами», но которые неизмѣнно оказываются «мертвыми» для перваго, открывшагося передъ ними определеннаго «дѣла». Одной изъ самыхъ тяжелыхъ болѣзней, которую по справедливости называютъ «вампиризмъ нашего времени», является болѣзнь воли, выражающаяся въ формѣ слабости ея, въ формѣ ея неподатливости на работу, требующую упорнаго и длительного напряженія энергіи. Если слабость воли является общеевропейскимъ современнымъ недугомъ, то для русскаго народа этотъ недугъ является и наиболѣе характернымъ, и наиболѣе застарѣлымъ. Художественная наша литература за все долгое время своего существованія не сумѣла еще создать почти ни одного положительнаго типа, который въ должной мѣрѣ обладалъ бы непреклонностью воли, упругостью энергіи и талантомъ положительнаго творчества. Герои съ такими чертами если и появлялись въ русской литературѣ, то всегда выходили удивительно блѣдными и безжизненными. Такъвы Костанжогло у Гоголя, Соломинъ у Тургенева, Тушинъ у Гончарова, Нехлюдовъ у Толстого и т. д. Если же и были въ русской литературѣ герои со сколько нибудь положительными и яркими чертами по волевой сторонѣ своего характера, то они были обыкновенно не русскаго происхожденія. Такъ, Гончаровъ своего Штольца взялъ у нѣмцевъ, а Тургеневъ Инсарова—у болгаръ. До сихъ поръ нѣтъ въ русской литературѣ героя воли, нѣтъ—скажемъ словами Гоголя—богатыря, который развернулся бы во всю необъятную ширь русскихъ стѣнъ и, конечно, нѣтъ потому, что нѣтъ этого богатыря въ жизни. Если въ дѣйствительности существуютъ только Маниловы, Обломовы и Ивановы, то только Ивановыхъ, Обломовыхъ и Маниловыхъ создаетъ и литература, ибо она есть зеркало, отображающее въ себѣ дѣйствительность. Но вѣдь должны же у насъ быть настоящіе люди, долженъ же быть положенъ конецъ Ивановщинѣ, Обломовщинѣ, Маниловщинѣ и т. под., долженъ же совершиться переходъ отъ пошлой и развращающей мечтательности, отъ построенія нелѣпыхъ феерическихъ теорій, воздушныхъ «мостовъ» и сказочныхъ замковъ къ положительной работѣ изъ того, что есть, и на основаніи того, что есть. Должна же, однимъ словомъ, вялая и тусклая жизнь уступить мѣсто новой жизни, живой и красочной, «въ

которой *воли левъ отъ силки былъ бы разбуженъ*. (Ибсенъ). Но гдѣ путь къ этой жизни? Конечно, этимъ путемъ не можетъ служить искусство, и, въ частности, художественная литература, не могутъ служить всѣ эти театры, концерты, художественные утра и вечера, которые до сихъ поръ не мало содѣйствовали развитію въ насъ не львиной мощи воли, а жалкой ея дряблости, не силы и находчивости мысли, а быстроты и патологической воспламеняемости фантазіи. Объ этой вредной сторонѣ преобладающаго вліянія искусства глубоко поучительно писалъ въ свое время проф. Гогоцкій (См. Кіевскія университетскія извѣстія за 1879 г., а также въ отдѣльномъ изданіи «Краткаго обзорѣнія педагогики 1879 г.»). «Отъ преобладанія воображенія,—пишетъ проф. Гогоцкій,—не давшаго развиться и окрѣпнуть мыслящей силѣ и здоровому вдумыванію въ законы жизни, могутъ незамѣтно водвориться и овладѣть, съ преобладающею силою увлеченія, неправильныя начала и фальшивое пониманіе жизни. Даже помимо неправильнаго употребленія дѣятельности воображенія (а это, по проф. Гогоцкому, бываетъ тогда, когда «не только незрѣлыя, не продуманныя, но просто и ложныя мысли и начала облекаются въ изящныя формы образовъ и звуковъ»), и постоянное, напр., чтеніе только произведеній, созданныхъ творчествомъ воображенія, могло бы повести къ неблагопріятнымъ послѣдствіямъ, теоретическимъ и практическимъ. Въ теоретическомъ отношеніи—вредныя послѣдствія отъ остановки на дѣятельности и произведеніяхъ воображенія—это крайне зыбкое и постоянно какъ бы колышущееся состояніе ума и неприготовленность къ точнымъ и сосредоточеннымъ умственнымъ занятіямъ, въ практическомъ отношеніи, это растерянность душевнаго настроенія, разладъ съ порядкомъ, котораго требуетъ практическая жизнь, и постоянный порывъ не только къ несуществующему, но и къ невозможному. «Да, если мы хотимъ, чтобы въ нашей жизни и въ нашихъ характерахъ было больше цѣльности, стройности, работоспособности и выносливости, то отъ театровъ, картинныхъ галлерей и выставокъ, отъ художественныхъ вечеровъ и утръ мы должны возможно чаще обращаться въ сторону учебнаго класса, практическихъ занятій, имѣющихъ приносить несомнѣнную пользу, въ сторону опытныхъ полей, огородовъ, мастерскихъ, въ сторону изслѣдованій строго научной, логической мысли, однимъ словомъ, въ сторону работы умственной и волевой, а не «мечтательной». Если же уже непременно нужны, напр., въ школахъ какіе либо вечера и утра, то почему бы прежде всего не устраивать вечеровъ и утръ съ научнымъ характеромъ, гдѣ, напр., читались бы и разбирались ученическіе и преподавательскіе рефераты и сочиненія на темы не художественнаго непременно, а научнаго и практически дѣловаго характера, которыя наиболѣе полно развивали бы душу учащихся и, въ приложеніи къ жизни, могли бы приносить реальный плодъ? У насъ же почти исключительно устраиваются въ школахъ собранія съ художественными тенденціями, при чемъ послѣ литературныхъ и музыкальныхъ вечеровъ слѣдуютъ обыкновенно танцы. Раньше по крайней мѣрѣ, центръ такого

рода собраний полагался въ ихъ художественной части, въ «концертномъ отдѣленіи», теперь же, какъ это ни странно, центръ ихъ переносится именно на танцы. Концертъ безъ танцевъ въ наше время это *sui generis contradictio in adjecto*, и привлечь симпатіи къ такому концерту со стороны нашей молодежи—это дѣло немалого труда. На устраиваемыя же изрѣдка (напр., по поводу юбилеевъ) въ современныхъ русскихъ школахъ болѣе или менѣе серьезныя собранія, по окончаніи которыхъ, къ ужасу гимназистокъ и даже епархіалокъ, не бываетъ танцевъ, приходится для школьной администраціи влечь учащуюся молодежь едва не силой. Явленіе глубоко ненормальное и нетерпимое болѣе! Причина его въ преувеличенномъ развитіи въ нашей молодежи влеченія только къ художественнымъ впечатлѣніямъ, и, чтобы устранить зло, нужно устранить его причину, т. е. нужно больше развивать мысль и волю учащихся и менѣе фантазію. Правда, ранѣе въ нашихъ школахъ, въ разныхъ гимназическихъ пансіонахъ, университетахъ, музеяхъ и т. под., существовали организаціи преимущественно именно съ художественными тенденціями—литературныя кружки, художественныя журналы, альманахи и т. д., и результаты такихъ организацій были не всегда печальны. Но нужно знать, что то было на зарѣ русскаго просвѣщенія, когда нужно было хотя чѣмъ нибудь подслащать горькій корень ученія и когда естественно было развивать учащагося прежде всего въ томъ, что болѣе всего было доступно въ немъ для развитія, фантазію и чувство. Дѣтямъ вполнѣ позволительно заниматься слушаніемъ сказокъ и самимъ упражняться въ ихъ составленіи. Но намъ не пора ли уже счесть себя за зрѣлыхъ мужей, которымъ болѣе прилично было бы заниматься не фантазированіемъ художественнымъ, а положительной работой въ области ума и воли. Слава Богу, писателей, художниковъ и артистовъ у насъ такъ много, что значительный процентъ ихъ приходится отправлять въ Европу и Америку, на удивленіе всего Старого и Нового свѣта, но вотъ родники самобытной научной мысли, государственной воли и технического знанія все еще лишь очень слабо просачиваются изъ нѣдръ нашей земли на ея поверхность. А такъ хотѣлось бы и такъ нужно было бы, чтобы они уже забили фонтанами!

Второе. Кромѣ того, что искусство, и, въ частности, художественная литература не могутъ сами по себѣ содѣйствовать воспитанію въ насъ мощности воли и, вообще, содѣйствовать образованію цѣльной человѣческой личности, они не могутъ быть особо полезными воспитательными факторами и по другой сторонѣ дѣла. Конечно, писатель трудится, когда пишетъ романъ или повѣсть, художникъ трудится, когда пишетъ картину, трудятся также музыканты или артисты, когда ставятъ на сценѣ концертъ или пьесу. Въ процессѣ своего созданія, а также въ процессѣ своей демонстраціи всякое художественное произведеніе требуетъ значительной доли труда. Но что касается художественной ашерцещіи, или воспріятія нами того или другого впечатлѣнія отъ художественнаго произведенія, то здѣсь трудъ и муки созиданія уступаютъ мѣсто восторгамъ на-

наслаждения, удовольствию. Играя на сценѣ, артисты трудятся такъ же какъ трудятся драматурги, авторы пьесъ. Но мы, созерцая артистическую игру, уже не трудимся, а лишь созерцаемъ, восхищаемся, получаемъ наслаждение. Удовольствіе же, а не трудъ, составляетъ для насъ и посѣщеніе концертовъ, обзорныя картинныхъ галлерей и художественныхъ музеевъ, чтеніе романовъ и т. д. Не даромъ даже на обыденномъ языкѣ чтеніе беллетристики называется «легкимъ чтеніемъ». Въ виду того, что искусство несетъ намъ больше наслажденія, чѣмъ труда, съ его очень иногда неслазкой, но необходимой,—неволей, въ виду этого, отведеніе искусству слишкомъ широкаго мѣста въ жизни легко, очевидно, можетъ грозить намъ пониженіемъ нашего тяготѣнія къ труду и, вообще, пониженіемъ нашей работоспособности и, наоборотъ, повышеніемъ нашей склонности къ праздности и развлеченіямъ. Справедливость этого соображенія довольно краснорѣчиво подтверждается фактами самой жизни. Наша деревня почти не знаетъ искусства въ смыслѣ поэзіи, живописи, театра и т. под. и, вмѣстѣ съ этимъ, она еще достаточно работоспособна. При неблагоприятныхъ иногда условіяхъ для работы, нашъ мужикъ производитъ такъ много, что по справедливости ему можетъ принадлежать то наименование «кормильца» страны, которымъ его нерѣдко награждаютъ. Почти то же можно сказать о нашихъ фабрикахъ и заводахъ, гдѣ тогда только особенно настойчиво и скандально начинаютъ требовать 8-часового рабочаго дня, когда театръ и всякія другія легкія учрежденія успѣваютъ болѣе глубоко пустить свои корни. Но, вотъ, городъ нашъ положительно загроможденъ разнаго рода увеселительными заведеніями и художественными институтами—театрами драматическими, оперными, зимними, лѣтними, закрытыми, открытыми, кафе-шантанами, шато-де-флерами, электро-театрами русскими и парижскими, гузнями, садами, галлерейми, художественными выставками и т. дал., и не поэтому ли, собственно, нашъ городъ или, вѣрнѣе, типическій городской обыватель не столько производитъ, сколько потребляетъ? Наша молодежь, обучаясь въ университетахъ и академіяхъ, подь вліяніемъ художественныхъ произведеній сплошь и рядомъ воображаетъ себя чрезвычайно умной, сильной и трудоспособной, создаетъ необычайно широкіе планы для своей дѣятельности, но, принимаясь, по окончаніи школы, за дѣло, устааетъ черезъ два, черезъ три года, разочаровывается въ своихъ былыхъ мечтахъ, опускаетъ руки и начинаетъ пьянствовать или играть въ карты. Здѣсь съ несомнѣнностью сказывается непривычка къ труду, воспитываемая, между прочимъ, «легкимъ чтеніемъ», «легкимъ театромъ», вообще—«легкимъ искусствомъ», которое такъ заботливо всюду у насъ культивируется и котораго поэтому у насъ такъ много. И чѣмъ «выше» хотятъ у насъ поднять воспитаніе и образованіе, тѣмъ больше стараются внести въ него изящества, пониманія искусства и благородной красоты и, вообще, тонкаго аристократическаго эстетизма. Не потому ли, между прочимъ, люди, не получившіе почти никакого воспитанія и образованія, въ смыслѣ развитія эстетическаго вкуса, съ

изумительнымъ усердіемъ и съ самоотверженнымъ терпѣніемъ выполняютъ свои маленькія общественныя и государственныя обязанности, иногда до невѣроятности трудныя и очень часто не совѣтъ опрятныя, въ то время, какъ люди, вкусившіе самыхъ сочныхъ и самыхъ ароматичныхъ плодовъ художественной культуры, съ преступной халатностью относятся къ своимъ обязанностямъ, часто не очень тяжелымъ и въ большинствѣ случаевъ высокопочтеннымъ, обстоятельствомъ, на которое недавно горько сѣтовали одинъ изъ выдающихся нашихъ публицистовъ? (Меньшиковъ). Нельзя здѣсь не вспомнить и о томъ строго установленномъ историческомъ фактѣ, что у нѣкоторыхъ народовъ самый глубокій умственный и моральный упадокъ обыкновенно совпадалъ съ самымъ высокимъ развитіемъ культа красоты. Должно быть понятно поэтому для насъ, что усвоеніе искусству преобладающаго значенія въ жизни должно считаться рискованнымъ, ибо жизнь создается и движется впередъ не празностью и не наслажденіемъ, а упорнымъ трудомъ и стойкой выносливостью, свойства, которая тщательно культивируется, напр., американская школа.

Подведемъ итоги.—Не говоря уже о томъ, что искусство по качественной своей сторонѣ можетъ быть то свѣтлымъ и благотворнымъ, то темнымъ и вреднымъ и что по этой сторонѣ оно всегда должно строжайшимъ образомъ оцѣниваться, не говоря объ этомъ, искусство во всемъ своемъ цѣломъ, по самому *существо* своему не должно, думается намъ, занимать особа широкаго мѣста въ жизни. По самой природѣ своей искусство таково, что, подчинивъ насъ своему обаятельному вліянію и всецѣло завладѣвъ нашимъ настроеніемъ, легко разрыхляетъ нашу волю, ослабляетъ энергію и отъ положительнаго труда отвлекаетъ насъ въ сторону разрушительной празности и губительной артистической нѣги, являясь, такимъ образомъ, очень определеннымъ минусомъ въ цѣлѣ созиданія жизни. Помните, какъ у Гомера хитроумный Одиссей предохранялъ себя отъ опасной возможности увлеченія нѣніемъ сиренъ? Онъ просто заткнулъ себѣ уши и приказалъ спутникамъ привязать себя къ мачтѣ корабля. Не нужно ли и намъ принять болѣе рѣшительныя мѣры противъ увлеченія искусствомъ? вмѣстѣ съ пушкинской чернью или съ ея ригористическимъ основоположителемъ, Д. И. Писаревымъ, мы не скажемъ, конечно, что «печной горшокъ» намъ дороже сравнительно съ любымъ произведеніемъ искусства, потому что въ горшкѣ, мы, по крайней мѣрѣ, «варимъ себѣ пищу». Однако, вмѣстѣ со Спенсеромъ и съ другими выдающимися мыслителями, мы должны сказать, что наше общество со всей осмотрительностью должно относиться къ своему *преувеличенному* стремленію къ прекрасному и прежде всего должно заботиться объ умственномъ и болевомъ развитіи, «изящнымъ искусствамъ, belles lettres и всему такому предоставивъ занимать лишь то мѣсто въ жизни, какое въ ней остается свободнымъ, т. е. часы досуга» (Спенсеръ). Вопросъ о разумномъ и гармоническомъ синтезѣ развитія умственнаго, волевого и эстетическаго является одной изъ серьезнѣйшихъ проблемъ нашего времени, и

на этой проблемѣ съ глубокимъ вниманіемъ должна остановиться наша педагогія. А потому «пока что» мы не рекомендовали бы учителямъ и учительницамъ особенно радоваться, что для нихъ создается возможность по-нѣскольку разъ въ годъ устраивать разные концерты и даже спектакли. Возможность есть, но смыслъ то есть ли? Подумать нужно.

И. Колосовъ.

Секта странниковъ предъ судомъ исторіи и свято-отеческаго писанія.

(Окончаніе *).

IV.

Въ первомъ посланіи ап. Павла къ ученику своему Тимоѳею мы читаемъ: «Духъ же явственнѣ глаголетъ, яко въ послѣдняя времена отступятъ нѣціи отъ вѣры, вземлюще духовомъ лестчимъ и ученіемъ бѣсовскимъ, въ лицемѣрїи лжесловникъ, сожженныхъ своею совѣстью, *возбраняющихъ женитися*» (гл. 4, ст. 1—3). Какъ видно отсюда, всякій, кто возбраняетъ бракъ, есть отступникъ отъ вѣры, и внимааетъ онъ не Духу Божію, а духу лукавому, ибо только ученію бѣсовскому свойственно отвергать и порицать супружество. Между тѣмъ, ученіе странниковъ именно таково, и никто изъ «лжесловесниковъ, сожженныхъ въ совѣсти своей», не отрицаетъ съ такою настойчивостью браковъ, какъ именно странники. «Санъ свой,—пишетъ м. Макарій Винницкій,—странники считаютъ саномъ иноческимъ и потому все мужчины и женщины—*обязуются вести жизнь безбрачную и цѣломудренную*, питаются только постною пищею и, вообще, поступать по древнему уставу Соловецкаго монастыря. *Бракъ странники совершенно отвергаютъ и признаютъ его большимъ грѣхомъ, нежели блудъ*, говоря, что общенія съ законною женою не осудятъ, потому съ нею легче и грѣшить, а блудъ осуждаютъ, тѣмъ отчасти искупляется грѣхъ». («Исторія р. раскола», стр. 281). Но этого мало;—по изъясненію «Тюменскаго странника»,—*родители, вынуждающе дѣтей, илѣ своими руками закалываютъ и къ седьмилавому змью отсылаютъ на съденіе*. «Земля,—говорится здѣсь далѣе,—на 50 саженой въ глубину осквернилась отъ свадебъ и вопіетъ къ Богу, прося повелѣнія пожрать родъ человѣческой» (См. «Вѣсти. Евр. 1873 г., кн. 1, стр. 280—281). Поэтому то и находится странники, которые, между прочимъ, говорятъ, что «жена дьяволомъ дана, а дѣрка Богомъ, что дѣтей не надо, что жить съ женою грѣхъ, а со стороны по любви—нѣтъ грѣха» (Ливановъ, т. 4, стр. 160). *).

*). См. № 23 «Епарх. Вѣд.».

*.) Все сказанное относится только къ странникамъ—безбрачникамъ. Какъ противоположность имъ, существуетъ незначительный толкъ странниковъ—брачниковъ. Послѣдніе свое ученіе формулируютъ

Само собою разумѣется, что для подкрѣпленія такого ученія о бракѣ странники не найдутъ въ словѣ Божіемъ даже тѣни опоры. Брачный союзъ въ новомъ завѣтѣ возведенъ на степень великой тайны Божіей, какъ образъ союза Христа съ Церковью. И какъ этотъ послѣдній есть союзъ благодатный и истинный, такъ должно исполненнымъ благодати почитать и брачный союзъ. На этомъ то основаніи и заключается онъ не по одному только родительскому благословенію, но съ благословенія Церкви, чрезъ поставленныхъ пастырей, которые и совершаютъ надъ брачующимися особое таинство для преподанія имъ благодати Духа Святаго. Бракъ христіанскій святъ и духовенъ, какъ святъ союзъ Христа съ Церковью. Поэтому Апостоль и говорить: «честна женитва во всѣхъ и ложе нескверно, блудникомъ же и прелюбодѣемъ судить Богъ» (Евр. 13, 4). Христіанскимъ супругамъ Апостоль въ то же время заповѣдуетъ: «сія бо есть воля Божія—святость ваша, хранити себе отъ блуда и *вѣдѣти комуждо отъ васъ свой сосудъ*», стяжевати во святости и чести, а не въ страсти похотѣй, яко же и языцы, не вѣдающіи Бога» (I Сол. 4, 3—5).

Свещ. Писаніе указываетъ и цѣли Божественнаго установленія брака. Цѣли эти слѣдующія: 1,—умноженіе и сохраненіе человѣческаго рода («Раститесь и множитесь и обладайте землею». —Быт. 1, 28); 2,—взаимная помощь супруговъ («И рече Господь Богъ: недобро быти чловѣку единому: сотворимъ ему помощника по нему». —Быт. 2, 18) и 3,—обузданіе грѣховныхъ похотей и чувственности. На эту послѣднюю цѣль указываетъ Апостоль въ слѣдующихъ словахъ: «добро чловѣку женѣ не прикасатся, но блудодѣянія ради *кѣждо свою жену да имать и каяжди жена своею мужа да имать*». (I Коринѣ. 7, 1—2).

Итакъ, Словомъ Божіимъ бракъ не только не осуждается и не только не предписывается для всѣхъ одно безусловное дѣйство, но наряду съ дѣйствомъ нахваляется и бракъ, какъ дѣло Божіе, бракъ узаконяется, какъ великая тайна, какъ образъ союза Христа съ Церковью,—Невѣстою Его.

Такъ именно и смотрѣла всегда на дѣвство и супружество св. Церковь—Невѣста Христова. Она никогда не унижала и не запрещала брака въ пользу дѣвства, никогда не похуляла и дѣвства въ пользу брака. Этотъ взглядъ Церкви въ особенности прекрасно

ють такъ: «вѣруемъ по Евангелію, словамъ Христа Спасителя, что Церковь Его должна быть на землѣ со священствомъ и жертвоприношеніемъ до второго пришествія Христова; но за лютостію царствующаго антихриста Церковь кроется въ пустыняхъ, въ неизвѣстныхъ намъ мѣстахъ, и мы, за невѣніемъ въ нашихъ странахъ священства, должны дѣйствовать по нуждѣ только три тайны: крещеніе, покаяніе и бракъ безсвятеннословный „Пятницкій“. („Секта странниковъ“, стр. 108—109). Толькъ этотъ возникъ въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Основателемъ его былъ Н. Н. Касаткинъ, впоследствии обратившійся въ православіе. Относительно брака имъ было постановлено, чтобы тѣ, которые прежде имѣли своихъ женъ и по выходѣ въ „странство“ расторгли брачный союзъ, снова бы вступили въ супружеское сожитіе съ ними; тѣмъ же, которые жили свободные со свободными, приказано было сочетаться бракомъ, дабы въ „братствѣ“ не происходило соблазна. Послѣдователи этого толка не признаютъ себя на монашескомъ положеніи, какъ прочіе странники, а только „прыющимися“ отъ гоненія мірянами какъ древніе христіане.

выраженъ въ слѣдующихъ словахъ св. Епифанія Кипрскаго. «Во святой Божіей Церкви,—нишетъ ошъ,—есть и честный бракъ, и почитается таковой, потомучто честна женитва и ложе нескверно; есть удивительнѣйшее воздержаніе, и похваляется оно, потому что Церковь подвизается подвигомъ и небрежетъ о семъ вѣкъ, какъ гораздо могущественнѣйшая; но есть также и дѣвство и препрославлено оно, какъ что то доблестное и украшенное легчайшими крилами. Находятся въ Церкви отречшіеся отъ міра, но не надмѣвающіеся предъ тѣми, которые еще обрѣтаются въ мірѣ» (т. 3, стр. 51—52). Въ другомъ мѣстѣ, обличая еретиковъ, отвергающихъ бракъ, тотъ же св. отецъ свидѣтельствуеть: «многія изъ сихъ ересей, возбраняють жениться. А святая Церковь и дѣвство прѣславляетъ, и похваляетъ иночество, чистоту и вдовство,—и честный бракъ чтитъ и приѣмлетъ, а воспрещаетъ блудъ, прелюбодѣяніе и распутство» (т. 2, стр. 316). Сообразно съ этимъ и св. Амвросій Медиоланскій пишеть: «пустъ не порицаетъ цѣломудрія тотъ, кто избралъ для себя бракъ; пустъ не осуждаетъ и брака тотъ, кто послѣдовалъ цѣломудрію. Вѣдь Церковь давно уже осудила противныхъ истолкователей» («О дѣвствѣ и бракъ». Казань 1901 г., стр. 124—125). Въ книгѣ Кирилловой мы также читаемъ: Церковь истинная Христова отъ начала вѣры даже и донынѣ яко жениться не возбраняетъ, глаголюще: честна женитва о всемъ и ложе нескверно; и паки: оженивыйся или посягшая иѣсть согрѣшила. Тако же ученіемъ и преданіемъ апостольскимъ и дѣйствовати сіе хотящимъ не бранитъ. Глаголетъ бо паки Апостоль еице: глаголю же безбрачнымъ и вдовицамъ, добро имъ есть, аще пребудуть, яко и азъ, аще ли же не удержатся, да посягають. И паки глаголетъ: аще кто отдасть дщерь свою браку, добръ творить, а кто не отдасть, лучше теорить. Тако бо Церковь Божія держитъ и учитъ: не возбраняетъ жениться, такоже не возбраняетъ и дѣвствовати, аще кто хочетъ и можетъ» (л. 190 об. и 191).

Ясно отсюда, что православная Церковь никогда не содержала такого нечестиваго ученія о бракъ, какое содержатъ въ настоящее время странники. Всѣхъ такихъ «лже-словесниковъ и обольстителей» она всегда предавала анаѳемѣ, всегда проклинала и проклинаяетъ. «Аще кто законный бракъ порокуеть,—читаемъ мы въ первомъ правилѣ Гангрскаго собора,—и вѣрну сущу жену и благочестиву и горѣйну смѣшающужеса съ мужемъ своимъ ненавидитъ, или поречеть, глаголя, яко сія не можетъ войти въ Царство небесное, да будетъ проклятъ». (Слав. Кормчая, л. 57 об.).

Странники учатъ, что земля на 30 сажени въ глубину осквернилась отъ свадебъ. Странники проповѣдуютъ, что никто теперь изъ находящихся въ бракъ не войдетъ въ царство небесное. А потому, по суду Гангрскаго собора, они суть проклятые люди и находятся подъ анаѳемой, ибо, толкуя вышеприведенное правило, Аристинъ говоритъ: «отвергающему законный бракъ—анаѳема» («Кн. правилъ»).

Но этого мало;—по словамъ Златоуста, иѣтъ несчастіе и нечестивѣе тѣхъ людей, которые отвергають святость супружества. Они не только ниже язычниковъ,—они хуже

даже демоновъ. «*О, вы болѣе несчастны, чѣмъ даже язычники,*—пишетъ онъ еретическимъ дѣвственницамъ. Хотя язычниковъ ожидаютъ мученія геенны, но они по крайней мѣрѣ здѣсь пользуются удовольствіями, вступая въ браки, наслаждаясь богатствомъ и другими житейскими пріятностями; вамъ же и здѣсь, и тамъ предстоитъ терпѣть мученія и скорби,—здѣсь добровольно, а тамъ невольно. И язычникамъ за постъ и дѣвство награды никто не дастъ и не предложитъ наказаніе, а вы подвергнетесь крайнему осужденію за то самое, за что ожидали безчисленныхъ похвалъ, и вмѣстѣ съ другими услышите: «идите отъ Мене въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его» (Матѳ. 25, 41,—*за то, что вы постились, за то, что вы отвѣтвовали.* Само по себѣ постъ и дѣвство ни добро, ни зло, но бываютъ тѣмъ или другимъ отъ намѣренія упражняющихся въ нихъ. Для язычниковъ такая добродѣтель безплодна, потому что они удаляютъ отъ себя награду тѣмъ, что не по страху Божию преуспѣваютъ въ ней; а вы, возставая противъ Бога и клевета на Его созданія, не только удаляете отъ себя награду, но даже будете за то наказаны. *За догматы вы будете поставлены наряду съ язычниками,* потому что подобно имъ, отвергнуши истиннаго Бога, вы ввели многобожіе; *а по жизни они будутъ лучше васъ.* Ихъ бѣда ограничивается тѣмъ, что они не получаютъ никакого блага; вамъ предстоитъ кромѣ того терпѣть еще и зло; но имъ пришлось насладиться всѣмъ въ настоящей жизни, а вы лишили себя и того, и другого. Получить мученія въ воздаяніе за труды и усилія,—можетъ ли какое нибудь наказаніе быть тяжелѣе этого? Прелюбодѣй, любостыжатель, пользующійся чужимъ, обкрадывающій ближняго, имѣетъ нѣкоторое утѣшеніе, хотя маловажное, однако, имѣютъ,—въ томъ, что они наказываются за здѣшнія наслажденія. Но и сказать нельзя, какая скорбь постигнетъ того, кто добровольно принялъ нищету, дабы тамъ обогатиться, и рѣшился на подвиги дѣвства, дабы тамъ ликовать вмѣстѣ съ ангелами,—и вдругъ, сверхъ всякаго ожиданія, будетъ наказываться за то самое, за что надѣялся получить безчисленные блага. Я думаю, что совѣсть будетъ терзать его такъ же, какъ огонь, когда онъ представитъ, что тѣ, которые одинаково съ нимъ трудились, пребываютъ со Христомъ, а онъ за то же самое, за что они наслаждаются неизреченными благами, терпитъ крайнее наказаніе, и, хотя вѣдь строгую жизнь, страдаетъ даже болѣе людей распутныхъ и сладострастныхъ. Подлинно цѣломудріе еретиковъ хуже всякаго распутства. Последнее причиняетъ обиду людямъ, а первое возстаетъ противъ Бога и оскорбляетъ безконечную премудрость; такія сѣти разставляетъ діаволъ своимъ служителямъ. А что дѣвство еретиковъ дѣйствительно есть изобрѣтеніе его лукавства, это говорю не я, а Тотъ, Кому не безызвѣстны его замыслы. Что же Онъ говоритъ? «Духъ явственнѣ глаголетъ, яко въ послѣднія времена отступятъ нѣщии отъ вѣры, енемлюще духовомъ лестчимъ и ученіемъ бѣсовскимъ, въ лицемѣрїи джесловесникъ, ... возбраняющихъ жениться» (I Тим. 4, 1—3). Какъ же можетъ быть дѣвственницею та, которая отступила отъ вѣры, слу-

шается обольстителей, доверяется демонамъ, почитаетъ ложь? Какъ можетъ быть дѣвственницею та, у которой сожжена совѣсть? Дѣвственница должна быть чиста не тѣломъ только, но и душой, если желаетъ принять святаго Жениха, а та—дѣва еретическая—какъ можетъ быть чистою, имѣя столько пятенъ? Если надобно устранять даже житейскія попеченія отъ этого брачнаго чертога, какъ несовмѣстныя съ его благообразіемъ, то какъ будетъ въ состояніи сохранить красоту дѣвства та, внутри которой обитаетъ нечестивый помысль? Хотя тѣло ея и остается нерастлѣннымъ, но растлѣлась лучшая часть ея—душевные помыслы; а что пользы въ томъ, что остаются ограды, когда храмъ разрушенъ? Или какая польза отъ того, что мѣсто престола остается чистымъ, если самый престолъ оскверненъ? А лучше сказать и тѣло ея не свободно отъ оскверненія. Богохульство и злорѣчіе, хотя рождаются внутри, но не остаются въ душѣ, а бывъ произнесены устами, оскверняютъ какъ языкъ говорящаго, такъ и слухъ внимающаго, и подобно ядовитымъ зельямъ, проникая въ самую душу, переѣдаютъ корень существа человѣческаго хуже всякаго червя, а съ нимъ вмѣстѣ губятъ затѣмъ и все тѣло. Итакъ, если сущность дѣвства состоитъ въ святости тѣла и духа, а дѣва еретическая осквернена и нечиста въ томъ и другомъ отношеніи, то какъ можетъ быть она дѣвственницею? Но она указываетъ мнѣ на блѣдность своего лица, на изнуренные члены тѣла, на убогую одежду, на смиренный взоръ. А что пользы въ этомъ, когда внутренний взоръ ея безстыденъ? Что можетъ быть безстыднѣе того взора, который располагаетъ и виѣшніе глаза—смотреть на созданіе Божіе, какъ на зло? «Вся слава дочери царицы внутрь» (Псал. 44, 14); а она извратила стройность этого изреченія, извнѣ облекшись въ славу, а внутри имѣя всякое безчестіе. Въ томъ и бѣда, что предъ людьми она выказываетъ великое благоприличіе, а предъ создавшимъ ее Богомъ позволяетъ себѣ великое безуміе; и та, которая остерегается взглянуть на мужчину,—если только есть такія дѣвы между еретиками,—безстыдными очами взираетъ на Владыку людей и изрекаетъ хулу на небо: поблѣднѣло у нихъ лицо и угодилось мертвому. Потому они и достойны слезъ и многихъ сѣтованій, что привяли на себя такой трудъ не только напрасно, но и на погибель своей головы. Но что мнѣ до этого,—скажешь ты,—когда я совершенно отказалась отъ брака? Вотъ это,—о, несчастная,—это и погубило тебя, что ты думаешь, будто это ученіе не имѣетъ никакого къ тебѣ отношенія. Оттого ты, увлекшись ненормальнымъ презрѣніемъ къ этому предмету, и оскорбила Божію премудрость и оклеветала все созданіе. Если бракосочетаніе—дѣло нечистое, то нечисты и всѣ рождающіеся отъ него, нечисты и вы, чего я не сказала бы о природѣ человѣческой. Какъ же нечистая будетъ дѣвственницею? Вами придуманъ этотъ второй, или,—лучше,—третій родъ оскверненія и нечистоты; вы, избѣгая брака, какъ нечистаго, чрезъ это самое удаленіе стали сквернѣе всѣхъ, изобрѣтши дѣвство, которое гнуснѣе прелюбодѣянія. *Съ клятвою мы поставимъ васъ наряду? Съ іудеями?*

Но они не потеряютъ этого, потомучто почитаютъ бракъ и востыщаются созданиемъ Божиимъ. Съ нами? Но вы не заготовили послушать Христа, говорящаго чрезъ Павла: «честна женитва и ложе нескверно». Остается, наконецъ, поставить васъ наряду съ язычниками; но они также оттолкнутъ васъ, такъ какъ вы нечестивы и зло. Платонъ (языческій философъ) говоритъ, что благо былъ устроившій все это, и что въ благомъ не бываетъ зависти ни къ кому и ни въ чемъ; а ты называешь Его злымъ и виновникомъ злыхъ дѣлъ. Но не пугайся: общниками въ такомъ ученіи ты имѣешь діавола и ангеловъ его, или,—лучше,—и не илъ, ибо томя они и внушили тебѣ такое безразсудство, не бумай, чтобы они и сами такъ разсуждали. Они знаютъ, что Богъ благо... Неужели вы еще будете упоминать о своемъ дѣвствѣ и твалиться имъ, вмѣсто того, чтобы, удалившись, плакать о самилъ себѣ и рыдать о безуміи, которымъ діаволъ связалъ васъ, какъ пльницю и увлекъ въ геенскій огонь?» (т. 1, стр. 298—301).

Слѣдовало бы огненными буквами выжечь странникамъ слова эти на сердцахъ своихъ. Тогда бы, быть можетъ, не захотѣлось стать имъ хуже іудеевъ и язычниковъ. Тогда бы, быть можетъ, не стали они такъ безумно учить о супружествѣ, какъ учатъ теперь. Но въ томъ то и дѣло, что свое собственное суемудріе для странниковъ, очевидно, дороже, чѣмъ слова и наставленія вселенскаго свѣтильника Церкви. Въ этомъ то и дѣло, что, ставши общниками діавола и ангеловъ его, странники не хотятъ обратить взглядъ свой на здоровое и живонское ученіе православія. Вотъ за это самое, за свое искаженіе истины православія, за отверженіе брака, странники, хотя бы они были и дѣйствительными дѣвственниками, свитыми отцами, приравниваются къ волкамъ въ овчей кожѣ. Св. Игнатій Богоносецъ пишетъ: «всякъ, глаголай кромѣ повелѣнныхъ, аще и достоѣренъ будетъ, аще и поститъ, аще и дѣвствуетъ, аще и знаменія творитъ, аще и пророчествуетъ,—волкъ тебѣ да мнится во овчей кожи, овцамъ пагубу содѣвающъ» (Къ Ирону діакону л. 57 об. Въ помоканонѣ съ потреби. гл. 86, л. 86).

Впрочемъ не свое собственное суемудріе удерживаютъ и проповѣдуютъ нынѣ странники. Въ своемъ ученіи о бракѣ они не оригинальны, не самостоятельны, а являются послѣдователями самыхъ древнихъ еретиковъ христіанской исторіи. Чье же ученіе обновили они? Послѣдователями какихъ еретиковъ они здѣсь явились? Отвѣтъ на это дастъ намъ преподобный Юсіфъ Волоцкій. Онъ пишетъ: «Дугъ же рачію глаголетъ, яко въ послѣдняя времена отступятъ ильціи отъ вѣры». Сія глаголетъ Апостоль о еретицѣхъ, иже отрекошася Господа нашего І. Христа и отступниша отъ православныя и непорочныя христіанскія вѣры. А еже глаголетъ Апостоль: «внемяюще дуговома лестчимъ и ученіемъ бѣсовскимъ»;—сего ради вся сопротивно творятъ пророческому, евангельскому и апостольскому писанію. А еже глаголетъ: «въ лицемѣрїи лжесловесникъ»;—еретицы убо обоя имуть: и лицемѣрїе, и лжесловесіе, понеже нечисти дуси

демонствіи вселилася въ нихъ. А еже: «сожженнытъ своею совѣстію»;—яко же бо вещь огню подлежатъ въ снѣдь, тако и еретическая совѣсть отъ лукаваго и сквернаго житія, яко отъ огня, сожизается. А еже глаголетъ Апостолъ: «возбраняющитъ же-нитися»;—*еретицы убо нарицаеміи воздержницы и маркіоните, и манихе, иже изобрѣтше и составиша мнози ереси, отъ нихъ же едина есть сія: глаголютъ убо и пишутъ, яко бракъ убо не отъ Бога преданъ бысть, но отъ діавола и ничтоже отъ блуда разиствуетъ. Подобно тому и мессалиане мудрствуютъ*. (Сл. 11, гл. 4, стр. 454, изд. 4). Такъ вотъ чье сѣмя—современные странники и вотъ чьи ереси обновили они! Здѣсь предъ нами не только правдивый образъ бѣгуновъ,—здѣсь указаны и протны ихъ! Пагубное ученіе воздерженниковъ, маркіонитовъ, манихеевъ и мессалианъ оказывается не погибло; прошло 17 столѣтій послѣ этихъ еретиковъ, и тотъ нечистый духъ сатанинъ, который господствовалъ въ нихъ, снова воспрянулъ и вселился въ русскихъ бѣгуновъ—странниковъ и здѣсь снова воскресилъ прежнее богохульное и нечестивое ученіе о бракѣ.

Были въ древности и другіе еретики, которые по своему отношенію къ браку также могутъ быть названы предками странниковъ. Въ Лѣтописи Баронія мы читаемъ: «во время Адріана, по отшествіи отъ міра сего всѣхъ апостоловъ Христовыхъ, начаша распространятися оныя мерзкіе еретики, подъ именемъ христіанскимъ, ученики Менадровы: Василидъ и Сатурнинъ. *Василидъ... супружество и рожденіе мяше быти отъ діавола*». (Лѣто 120, число 3). Современные странники также называютъ себя христіанами и подъ этимъ именемъ распространяютъ свое ученіе, называя всѣхъ другихъ старообрядцевъ за одно это послѣднее наименованіе отступниками отъ Христа;—а сами, слѣдуя еретику Василиду, супружество въ настоящее время «мнятъ быти отъ діавола».

Тотъ же Бароній далѣе пишетъ: «того же вѣка воста ересь енкратитовъ, начата отъ Татіана, иже ученикъ святаго Іустина мученика, по его же смерти возгордѣвся, начатъ заблуждати; и отъ Рима изшедъ, сущъ отъ христіанъ въ великой чести. *Нача учити, яко бракъ золь есть и отъ кровосмѣшенія и нечистоты не разиствуетъ, а самъ тайно нечистое житіе провождаше*». (Лѣто 174, число 1).—Современные странники хотя и называютъ супружество зломъ, однако, какъ мы это и увидимъ впоследствии, «тайно» также «нечистое житіе провождаютъ» *).

*) У того же Баронія мы и еще читаемъ: „Манезъ персіанинъ, отъ него же манихеи еретики нарекашася, во время явися, о которомъ и житіе его Кириллъ Іерусалимскій написа, и Епифаній, и Августинъ на многихъ мѣстѣхъ. Бракъ хулише, а похоти плотскія вса исполняше“. (Лѣто 277, число 1). „Іераксъ во Египтѣ ересіархъ новый воста изъ манихейскаго гнѣзда, съ великими такожде и буйными хулами и безчиніями, якоже и гностики оніи. Хулише браки и брашна отъ Бога созданная. Брачнымъ живота вѣчнаго не обѣщаше, токмо самымъ воздержнымъ, и иныя лжи и басни многія вношаше“ (Лѣто 288, число 1). „Научаше той Енактъ или Евстафій яко бракъ золь есть и гнушашеся въ брацѣхъ жительствующими. Мясо ясти возбраняше, мужей жевать и дѣти оставляти“ (Лѣто 361, число 8)

Но мы зломъ не считаемъ супружество само по себѣ,—говорить современные странники:—мы признаемъ зломъ только современные браки, ибо браковъ теперь быть не должно. «Въ міръ теперь скорби,—читаемъ мы слова одного странническаго начетника,—скорбь потому, что царствуетъ антихристъ. Мы видимъ, что во времена Иерусалимскаго разрушенія было «горе неспраднымъ и доющимъ въ тѣя дни». Это же будетъ и въ концѣ міра. Бл. Иеронимъ текстъ: «горе неспраднымъ» относить къ будущему времени (см. ч. 3, стр. 181). «Горе неспраднымъ и доющимъ въ тѣя дни».—«Въ какіе это дни»,—спрашиваетъ бл. Иеронимъ? «Въ тѣ,—отвѣчаетъ онъ,—когда мерзость запусканія будетъ стоять на мѣстѣ святѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что здѣсь буквально предсказывается пришествіе антихриста, когда жестокость гоненія заставитъ бѣжать, а бѣгъ беременныхъ и кормящихъ грудью дѣтей очень медленъ». Вотъ мы и говоримъ, что если такая опасность угрожаетъ женщинамъ во дни антихриста, то лучше соблюдать дѣвство, лучше не жениться. Точно такая же мысль проходитъ у бл. Иеронима въ I части его сочиненій (стр. 120). Онъ опять спрашиваетъ: «что это за нужда, которая отнимаетъ удовольствія брака»? И снова отвѣчаетъ: «въблизи Навуходоносоръ. Къ чему мнѣ послужить супружество съ приходомъ прегордаго царя? Къ чему дѣти»? Въ другомъ мѣстѣ, толкуя слова ап. Павла: «мно убо сіе добро быти за настоящую нужду» (I Коринѣ. 7, 26), бл. Иеронимъ говоритъ: «какая это нужда, которая, разрушая брачный союзъ, требуетъ свободы дѣвства? *Горе неспраднымъ и доющимъ въ тѣя дни.* Здѣсь осуждается не блудъ, не распутство,... а зачатіе во чревѣ, дѣтскій плачь, плоды и дѣла брака» (т. 4, стр. 147). Бракъ то, можетъ быть, и будетъ, но онъ осуждается, потому что только дѣвство можетъ вступить въ брань съ антихристомъ». (См. Бесѣды странническаго начетника В. И. Рукавицына съ А. А. Коноваловымъ въ «Пермск. Еп. Вѣд.» 1907 г., стр. 393—401).

Итакъ, по словамъ самихъ странниковъ, бракъ ими не признается и осуждается потому, что теперь будто бы царствуетъ антихристъ, при которомъ, по ихъ ученію, браковъ не можетъ и не должно быть. Это свое ученіе, какъ видѣли мы, они подкрѣпляютъ многими ссылками на творенія бл. Иеронима. Однако, православный христіанинъ этимъ не долженъ смущаться,—не долженъ потому, что нѣтъ ни одной ереси, которая не обосновывала бы себя на свидѣтельствахъ священнаго или святоотеческаго писанія, предварительно извративъ эти свидѣтельства. Всѣмъ такимъ еретикамъ тотъ же бл. Иеронимъ говоритъ: «пусть не льстятъ они себѣ тѣмъ, что находятъ, повидимому, подтвержденіе своихъ словъ въ писаніяхъ, потому что и диаволь говорилъ нѣчто отъ писаній; и сущность писаній не въ чтеніи, а въ пониманіи» (т. 4, стр. 92—93). Пусть не льстятъ себѣ и странники, если въ твореніяхъ бл. Иеронима они находятъ нѣсколько мыслей, повидимому, сходныхъ съ ихъ нечестивымъ ученіемъ. Прежде всего въ твореніяхъ этого святого отца есть много тайныхъ и неясныхъ мѣстъ, которыми, если брать ихъ виѣ

связи рѣчи, можно пользоваться и вкривь, и вкось. Мы чтимъ бл. Іеронима не меньше, чѣмъ странники, однако признаемъ, что если бы и действительно онъ училъ о бракѣ согласно съ послѣдними, то на твореніяхъ только его одного основываться нельзя. Но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ; на самомъ дѣлѣ какъ о бракѣ, такъ и о дѣвствѣ бл. Іеронимъ всегда училъ въ согласіи съ православною Церковью. Беремъ 4-й томъ его сочиненій. Тѣ слова объ осужденіи «плодовъ и дѣлъ брака», которыя приводятся странниками, здѣсь дѣйствительно есть. Но по поводу чего и противъ кого пишетъ онъ ихъ? Рѣчь бл. Іеронима идетъ противъ Ювіана, который возставалъ противъ дѣвства и охуждалъ его въ сравненіи съ бракомъ. Противъ него то бл. Іеронимъ и написалъ двѣ книги, гдѣ, защищая дѣвство, онъ однако говоритъ, что хотя дѣвство Христосъ и поставилъ выше брака, однако не осуждалъ ни того, ни другого состоянія. «Если бы Господь,—пишетъ Іеронимъ,—повелѣлъ дѣвство, то, казалось, бы, что Онъ осуждаетъ бракъ и уничтожаетъ разсадникъ людей, изъ котораго рождается и самое дѣвство. Если бы Онъ подъялъ корень, то какъ сталъ бы требовать плодовъ? Если бы напередъ не положилъ основанія, то какимъ образомъ построилъ бы зданіе и сверху положилъ бы кровлю, имѣющую покрыть все зданіе?» (стр. 144). Поэтому, если дѣвство и выше брака, но только, какъ добровольный подвигъ. «Подвигположникъ предлагаетъ призъ, побуждаетъ къ подвигу, держитъ въ рукѣ награду дѣвства, указываетъ на чистѣйшій источникъ и говоритъ: «жаждай, да грядетъ ко Мнѣ и да пьетъ. Могій вмѣстити, да вмѣститъ». Не говоритъ: хотите ли, не хотите ли,—вы должны пить и подвизаться, но кто,—говоритъ,—захочетъ и кто сможетъ подвизаться и испить, тотъ побѣдитъ, тотъ насытится. И потому то Господь и любитъ болѣе дѣственниковъ, что они добровольно исполняютъ то, что имъ не было повелѣно. Исполнять то, къ чему не обязываешься,—эта заслуга выше, чѣмъ дѣлать то, что отъ тебя требуется. Апостолы, понимая бремя супружества говорятъ: «аще тако есть вина челоуѣка съ женою,—лучше есть не жениться». Одобряя ихъ мысль, Господь говоритъ: правда, неудобно челоуѣку, стремящемуся къ царству небесному, жениться, но это дѣло трудное и не всѣ вмѣщаютъ это слово, а тѣ, которымъ дано» (стр. 145—146). Если же «не вси вмѣщаютъ словесе сего», то, по словамъ бл. Іеронима, кто вступилъ въ бракъ (мы имѣемъ въ виду бракъ православный, который только одинъ и законенъ, какъ таинство), тотъ не долженъ разрушать его, а кто далъ обѣтъ дѣвства, тотъ не долженъ нарушать его. «Каждый изъ насъ,—пишетъ онъ,—имѣетъ свои права: дай мнѣ мое и владѣй своимъ. Если привязался къ женѣ, не давай ей развода. Если я отрѣшенъ отъ жены, я не долженъ искать жены. Какъ я не расторгаю браковъ, которые однажды связаны, такъ и ты не связывай того, что разрѣшено» стр. 147). Слова эти слѣдуютъ непосредственно за тѣми, которыя приводятся странниками. Вотъ теперь и оказывается понятною мысль бл. Іеронима объ осужденіи «плодовъ и дѣлъ брака», разъ мы взяли ее въ связи рѣчи, въ связи съ предыду-

щим и послѣдующими мыслями. Осуждается, такимъ образомъ, не бракъ самъ по себѣ, а плоды и дѣла брака только для тѣхъ, которые наложили на себя подвигъ дѣвства, т. е., которые, давъ обѣтъ иноческой жизни, измѣнили потомъ этому обѣту, отвергнувъ его, какъ еретикъ Ювіанъ.

Что бракъ самъ по себѣ бл. Иеронимъ не осуждаетъ, это видно изъ слѣдующихъ его словъ противъ того же Ювіана: *«мы не осуждаемъ брака, слѣдуя ученію Маркіона и Манихея, и не считаемъ всякій союзъ нечистымъ, увлекшись заблужденіемъ Татиана, главы енкратитовъ, который осуждаетъ и порицаетъ не только бракъ, но и яства, которыя Богъ сотворилъ для употребленія. Мы знаемъ, что въ дому великомъ есть сосуды не только золотые и серебряные, но и деревянные и глиняные, и что на основаніи Христовомъ, которое положилъ архитекторъ Павелъ, одни создаютъ золото, серебро, камни драгоценные, а другіе напротивъ—сѣно, дрова, солому. Знаемъ мы: «бракъ честенъ и ложе нескверно», читаемъ мы первое опредѣленіе Божіе: «раститесь и множитесь и наполняйте землю»; но бракъ мы принимаемъ такъ, что дѣвство, которое родится отъ брака, предпочитаемъ. Неужели серебро не будетъ серебромъ, если золото цѣннѣе серебра, или неужели униженіе для дерева и жатвы, если корни и листьямъ, солому и колосьямъ предпочитаютъ плоды и зерна? Какъ плодъ изъ дерева, зерно изъ соломы, такъ дѣвство изъ брака» (т. 4, стр. 124—125). Т. об., по мысли бл. отца, дѣвство безъ брака существовать не можетъ, какъ не можетъ быть плодъ безъ дерева или зерно безъ соломы. «Въ настоящее время,—пишетъ онъ далѣе,—когда еретики принялись осуждать супружество и презирать Божіе созданіе, мы охотно выслушиваемъ похвальные отзывы о бракѣ. Ибо Церковь супружества не осуждаетъ, но даетъ ему не первое мѣсто, и не отвергаетъ его, но благоразумно употребляетъ, зная, какъ мы выше сказали, что въ большомъ домѣ есть сосуды не только золотые и серебряные, но и деревянные и глиняные» (тамъ же, стр. 204). Какъ же послѣ этого смѣютъ утверждать странники, что ихъ ученіе, покоится на словахъ бл. Иеронима, когда у послѣдняго нѣтъ и тѣни нечестія?*

Точно такой же взглядъ бл. Иеронима заключается и въ 1-мъ томѣ его сочиненій. Здѣсь онъ дѣйствительно пишетъ: «къ чему мнѣ послужить супружество съ приходомъ прегордаго царя? Къ чему дѣти» (стр. 120). Слова эти находятся къ письмѣ къ Евстихію, цель же письма—убѣдить Евстихію хранить до конца жизни свято и непоколебимо чистоту дѣвства. И вотъ, не смотря на такой предметъ письма, когда бы, казалось, о бракѣ не нужно и не можетъ быть никакого слова, бл. Иеронимъ все-таки пишетъ: «Быть можетъ, кто-нибудь скажетъ: «и ты осмѣливаешься говорить противъ брака, благословеннаго Богомъ»? Но предпочитать дѣвство браку не значить еще порицать бракъ. *Да будутъ восточными и вышедшія замужъ, хотя онѣ и уступаютъ первенство дѣвамъ. Сказано: «раститесь и множитесь и наполните землю.» Пусть растетъ и множится тотъ, кто желаетъ наполнить землю. А твое воинство на небесахъ.*

«Раститесь и множитесь»... Пусть женятся и посягаютъ тѣ, которые въ потѣ лица бдять хлѣбъ свой, которыхъ земля рождаетъ тернія и *волныцы*, а трава заглушена колючимъ кустарникомъ. А мое сѣмя приноситъ сториичный плодъ. «Не вси вмѣщаютъ словесе Божія, но нѣкъ же дано есть» (Мѣ. 19, 11). Иного дѣлаетъ безбрачнымъ необходимость, *моя отомъ*. «Время обымати и время удалитися отъ обыманія. Время разметати каменіе и время собарати каменіе» (Еккл. 3, 5). Послѣ того, какъ изъ среды грубыхъ народовъ родились чада Авраамовы,—начали «камни святые катиться на земли» (Зах. 9, 12). Они минуютъ вихри міра сего, и въ колесницѣ Божіей вращаются съ быстройю колесъ. Пусть шьютъ туники тѣ, которые потеряли горнюю нешвенную тунуку, которымъ пріятель крикъ младенцевъ, при самомъ началѣ жизни горько плачущихъ о томъ, что они родились» (стр. 117). «*Я хвалю бракъ, хвалю супружество, но потому, что отъ брака рождаются дѣвственные люди*» (стр. 118). «*Если бы дѣвство было заповѣдано, то бракъ казался бы отвергнутымъ, и слишкомъ сурово было бы принуждать вопреки природѣ, требовать стѣ людей ангельской жизни и некоторымъ образомъ осуждать то, что создано*» (стр. 119). Что же, т. об., общаго между Іеронимомъ, который хвалитъ и бракъ, и супружество, и между странниками, которые учатъ, что земля на 30 саженой въ глубину осквернилась отъ свздебъ?

Итакъ, въ твореніяхъ бл. Іеронима мы нигдѣ не находимъ тѣхъ мыслей о бракѣ, которыя въ уста этому святому отцу хотять вложить странники. Будучи самъ дѣвственникомъ, онъ всѣми силами защищаль отъ нападокъ дѣвство;—однако, въ то же время онъ хвалитъ и бракъ, и супружество. Правда, при защитѣ дѣвства онъ употребляетъ иногда выраженія рѣзкія, повидимому, идущія противъ супружества. Но это только повидимому. Нужно принять во вниманіе общій характеръ трудовъ блаженнаго Іеронима. О своихъ трудахъ онъ говоритъ: «если бы даже, изъ желанія побѣды, я сказалъ, что либо вопреки смыслу Писанія, то и тогда, какъ это бываетъ при спорахъ сильныхъ людей, свою вину я искупилъ бы заслугой» (ст. 2, стр. 31). Вообще, въ писаніяхъ святыхъ отцовъ всегда нужно главное и первое вниманіе обращать на то, кому, или противъ кого и съ какою цѣлью пишутъ они. Необходимость подобнаго требованія прекрасно выяснилъ св. Василій Великій. «Пока,—говоритъ онъ,—надлежало бороться съ возникавшими по временамъ ересями, слѣдуя предшественникамъ, почиталъ я приличнымъ, смотря по различію посѣваемаго діаволомъ нечестія, останавливать и излагать распространяемыя хулы опроверженіями, и употреблялъ, какъ вынуждала къ этому потребность, тѣ или другія изреченія. Цѣль, мнѣ и вамъ теперь подлежащая, во многомъ различна по предметамъ разсужденія, которые заставляли меня писать и говорить иногда такъ, а иногда иначе... не одно и то же могутъ говорить, кто увѣчиваетъ здоровымъ ученіемъ, и тотъ, кто обличаетъ противорѣчащихъ. Ибо иной родъ рѣчи

обличительный, иной родъ речи увещательный, инакова простота въ миръ исповѣдующихъ благочестіе, инаковы труды опровергающихъ возраженія лжеименнаго вѣдѣнія» (т. 5, стр. 25—26, 1892 г.). Такъ, именно, слѣдуетъ смотрѣть и на нѣкоторыя, какъ будто противорѣчащія другъ другу сужденія бл. Иеронима. Когда, напримѣръ, ему нужно было обличить Ювіана, онъ выставлялъ бракъ въ довольно мрачныхъ краскахъ, хотя нигдѣ не осуждаетъ его, когда же нужно было высказать положительное ученіе Церкви, онъ писалъ: «я хвалю бракъ, хвалю супружество, ибо Церковь супружества не осуждаетъ и не отвергаетъ, но благоразумно употребляетъ».

Въ частности, бл. Иеронимъ никогда не высказывалъ и того, что въ концѣ міра бракъ, будто бы, прекратится и супружество тогда быть не должно, и не будетъ. Ужъ изъ одного того, что дѣвство онъ считаетъ плодомъ брака, ясно видно, что плоть не можетъ существовать безъ дерева, на которомъ онъ явился. Если дѣвство, какъ плодъ брака будетъ существовать всегда, то, значить, будетъ существовать всегда и бракъ. Пусть, наконецъ, въ твореніяхъ бл. Иеронима находятся излюбленные странниками слова, что въ концѣ міра будетъ «горе неспраднымъ и доющимъ»; пусть, мы читаемъ: «нѣтъ никакого сомнѣнія, что здѣсь буквально предсказывается прішествіе антихриста, когда жестокость гоненія заставитъ бѣжать, а бѣгъ беременныхъ и кормящихъ грудью дѣтей очень медленъ» (т. 3, стр. 182). Однако, если будемъ слѣдовать толкованію бл. Иеронима, то увидимъ, что на бракъ и супружество у него здѣсь нѣтъ и намека. Самъ бл. Иеронимъ такъ объясняетъ текстъ про «горе неспраднымъ»:—«неспрадные—это души, зачавшія отъ сѣмени ученія и Слова Божія, начатки авры и говорящія съ Исаіею: «отъ страха Твоего, Господи, во чревъ пріяхомъ, и поболѣхомъ, и роуихомъ духи спасенія Твоего, его же сотворилъ Ты на земли» (Ис. 26, 18). Ибо, какъ сѣмя во чревъ принимаетъ образъ мало-по-малу, и дѣтѣхъ поръ не почитается за человѣка, пока смѣшанныя стихіи не получаютъ извѣстныя формы и не образуютъ члены, такъ и чувство, зачатое душою, если не проявится въ дѣлахъ, носится еще во чревъ, и быстро погибаетъ отъ преждевременныхъ родовъ, когда увидитъ мерзость заустѣнія, стоящую въ Церкви, и сатану, преобразующагося во ангела свѣтла (2 Коринѣ. 11, 14). Объ этихъ плодахъ чрева говоритъ Апостоль: «чадца мая, ими же паки болѣзную, дондеже вообразится Христосъ въ васъ» (Гал. 4, 19). Понимая въ смыслѣ таинственномъ, я полагаю, что такія же и тѣ жены, о которыхъ писалъ тотъ же Апостоль: «жена прельстившися, въ преступленіи быти, спасется же чрезъ чадародіе, аще, пребудеть въ вѣрѣ и любви и во святыхъ съ цѣломудріемъ» (1 Тим. 2, 14—15). Если же, которая нибудь родила въ извѣстное время отъ сѣмени Слова Божія, то необходимо, чтобы рожденное возрастало и, прежде всего, питалось молокомъ младенчества (1 Коринѣ. 3, 2), пока

станеть способно къ твердой пищѣ и достигнетъ зрѣлаго возраста исполненія Христова (Ефес. 4, 13). Ибо всякъ, питающійся молокомъ, не свѣдуещъ въ дълѣ правды, потомучто еще младенецъ, *поэтому души, еще не родившія онъ еще не могшія воспитать рожденное, когда видятъ появленіе въ церкви еретической проповѣди, тотчасъ соблазняются и погибаютъ, а во время бѣдъ и гоненій устоять бывають не въ силахъ, особенно, если не упражнялись въ добрыхъ дѣлахъ и не ходили по пути, который есть Христосъ*» (т. 3, стр. 182—183).

И такъ, то толкованіе блаженнаго Іеронима, «непраздныя и дояція въ тые дни»—это не въ буквальномъ смыслѣ беременныя и кормяція грудью женщины, а души человѣческія, души еще не родившія или не могшія воспитать рожденное чувство вѣры; горе же этимъ душамъ предрекается потому, что, когда онѣ видятъ въ Церкви появленіе еретической проповѣди, то соблазняются и погибають, а во время бѣдъ и гоненій устоять бывають не въ силахъ. Если же странники въ словахъ: «горе непразднымъ» хотять видѣть лишь буквальный смыслъ, лишь одну «кожурину буквы», которую бл. Іеронимъ убѣждаетъ здѣсь сбросить (тамъ же, стр. 182), то пусть послушаютъ, что говоритъ имъ за это бл. Августинъ: «только плотская лѣнь и тупость необразованнаго или неразвитаго ума, поверхностно довольствующаяся буквою, вовсе не считаетъ нужнымъ искать болѣе внутренняго смысла» (т. 6, стр. 234).

Между тѣмъ, у бл. Іеронима есть и прямыя указанія, что браки не только никогда не прекратятся, но пребудутъ до тѣхъ поръ, покуда стоитъ міръ, то есть, до второго пришествія Господня. «Если преходить міръ,—пишетъ онъ,—въ которомъ все заключается, то преходять, какъ облака, и образъ, и жизнь міра сего, а между прочимъ, отношеніями міра преидеть и бракъ, *ибо по воскресеніи не будетъ супружества. Смерть есть предѣлъ брака*» (т. 4, стр. 149). Если, такимъ образомъ, смерть есть предѣлъ брака, то, значить, бракъ пребудетъ до второго пришествія Христова, ибо смерть упразднится только всеобщимъ воскресеніемъ и супружество не будетъ только по воскресеніи.

Вотъ это то послѣднее убѣжденіе, что супружества пребудутъ на землѣ до страшнаго суда Господня, также было всегда постояннымъ и неизмѣннымъ ученіемъ св. Церкви. Святая же Церковь всегда учила и учитъ такъ потому, что такъ законоположилъ Глава Церкви—Христосъ. Въ Евангеліи повѣствуется о саддукеяхъ, которые, некушая Христа, спрашивали Его, кому по воскресеніи будетъ принадлежать жена, имѣвшая на землѣ одного за другимъ семь братьевъ—мужей? ¹И отвѣщавъ Иисусъ, рече имъ: не сего ли ради прельщаетесь, не вѣдуще Писанія, ни силы Божія? *Еда бо изъ мертвыхъ воскреснутъ, ни женятся, ни посягаютъ, но суть, яко ангели на небесахъ*» (Ев. Марк. 12, 24—25). Толкуя эти слова, блаженный Теофи-

лактъ Болгарскій пишетъ: «ибо мы уже не будемъ подлежать тлѣнію, но будемъ жить вѣчно, а по этой причинѣ *тогда и бракъ уничтожится*. Чынѣ бракъ существуетъ по причинѣ смертности, чтобы поддерживаясь преемствомъ рода мы не изгибли» («Благов.», стр. 241. Изд. Сойкина). «Здѣсь потому и бракъ, что есть смерть, и потому смерть, что есть бракъ. *А тамъ, когда упразднится смерть, какая нужда въ бракъ, ибо бракъ установленъ въ помощь смертности и въ исполненіе недостатка*» (тамъ же, стр. 453). Вышеуказанныя слова Евангелія точно также толкуеть и Евфимій Зигабень. «Въ воскресеніе бо,—читаемъ мы въ его толкованіи на Матѳея,—ни женятся, ни посягають.... Не женятся мужчины и женщины не отдаются въ бракъ, то есть, не имѣють брачныхъ связей, потому что нѣтъ тамъ и самой похоти такой... Бракъ существуетъ по причинѣ смерти, чтобы вмѣсто умершихъ рождались другіе,—а, *идѣ нѣтъ смерти, тамъ нѣтъ и брака*» (стр. 331. Изд. 1886 г.).

Въ согласіи съ приведенными толкованіями говорить и Симеонъ Солунскій. «Бракъ,—читаемъ мы въ его твореніяхъ, есть даръ снисхожденія Божія, ради чадородія имѣющей продолжиться, доколь будетъ существовать этотъ тлѣнный міръ. Итакъ, *будетъ бракъ до тѣхъ поръ, доколь не воскреситъ и не сдѣлаетъ безсмертными естества нашего Нетлѣнный, Который ради этого Самъ благословилъ бракъ*» (т. 1, стр. 14). *).

Ясно теперь, въ какую бездну погибели идутъ странники, отвергая постоянное и неизмѣнное ученіе св. Церкви о бракѣ. Съ 1784 года существуютъ они. Само собою разумѣется, что смерть не щадитъ ихъ, какъ и всѣхъ другихъ людей. Умеръ основатель бѣгунства, умерли и тѣ, которыхъ увлекъ онъ за собою. Кто же тогда, по природѣ своей, современные странники? Вмѣсто своего отвѣта на этотъ вопросъ, мы приведемъ слѣдующія слова св. Климента Александрійскаго. «Такъ какъ,—пишетъ онъ,—брачное общеніе, по сужденію этихъ еретиковъ, есть дѣло преступное и нечестивое, то и сами они—*плодъ брачнаго общенія,—слѣдовательно, суть инусные злодѣи, отвратительные плуты и мерзкіе нечестивцы*» (Третья книга «Стромать», гл. 6, стр. 339).

Въ своемъ мерзкомъ и нечестивомъ ученіи о бракѣ странники оказываются преслушниками даже первыхъ расколоучителей. Вотъ, напр., что писалъ протопопъ Аввакумъ: «не возбраняй, господине, женитися; по Апостолу, бракъ честень и ложе мужу со своею женою нескверно. *До скончанія вѣка быть тому такъ*». (Смирновъ: «Внутр. вопросы въ расколѣ въ 17 в. стр. 174—175. Изд. 1898 г.). Правда, и при немъ явились «суеловцы», подобные странникамъ, но онъ жестоко обличалъ ихъ: *Всѣ ли ты,—писалъ Аввакумъ,—почто Апостоль къ Коринѳомъ писаніе пишетъ? Аль не помнишь?*

*) Св. Θεодоръ Студитъ также свидѣтельствуетъ, что бракъ упразднится только въ будущемъ вѣкѣ. Вотъ его слова: «здѣсь существуетъ рабство, равно какъ и бракъ, а *въ будущемъ вѣкѣ упразднится то и другое*, и всѣ будутъ, какъ ангелы» (т. 2, стр. 304).

Ино азъ о Христѣ напомяну. А то такіе же суетловцы, что и ты: извѣтомъ благоуверія возбраняюще женитву и брачное совокупленіе, взимахуся разумы своими. Увѣдѣвъ, ап. Павелъ пишетъ къ нимъ о женитвѣ, убо не распряжену быти шряженію, и на время точію воздержатися молитвы ради, сирѣчь, въ праздники и посты. А иже кто извинитъ воздержаніе, пишетъ о дѣствѣ, яко не по пути, но по извиненію сему быти подобаетъ. Прочти въ первомъ посланіи главу 7, зачала 139; ужъ то тебѣ соромъ отъ апостола того. Вотъ Павелъ блуда ради жену свою велѣлъ держать, а женѣ мужа. Полно же говорить тово: по содомски учишь жить» (тамъ же, стр. 172).

Какъ видно, протополь Аввакумъ хотя и былъ яримъ раздорникомъ церковнымъ, однако въ вопросѣ о бракѣ боялся преступитъ ученіе Церкви. Слова Апостола: «честна женитва во всѣхъ и ложе нескверно» онъ понималъ только въ томъ смыслѣ, что *«до скончанія вѣка быть тому такъ»*. Странники же хотя и почитаютъ Аввакума, хотя и называютъ его «первымъ остальцомъ благочестія», однако далеко отошли отъ него въ непослушаніи и извращеніи повелѣній церковныхъ. Ученіе древнихъ еретиковъ-безбрачниковъ для нихъ, очевидно, оказалось болѣе дорогимъ и подходящимъ, нежели наставленія и убѣжденія своего «перваго остальца».

И замѣчательно, что древнимъ еретикамъ-безбрачникамъ странники подражаютъ даже въ подробностяхъ. Вотъ, напр., что пишетъ объ енкратитахъ св. Елифаній Кипрскій: «величаются эти еретики воздержаніемъ, но вся ихъ дѣятельность шатка: они находятя среди женщинъ, повсюду вводятъ въ обманъ женщинъ, съ женщинами вмѣстѣ путешествуютъ и вмѣстѣ живутъ и пользуются ихъ услугами» (т. 2, стр. 301). Такъ точно всегда поступали и поступаютъ и бѣгунскіе наставники. Родобачальникомъ бѣгунства Евфимій безъ женщины никогда и никуда не путешествовалъ. Идетъ онъ постригаться въ поморскій скитъ и беретъ туда съ собою бѣглую крестьянку Ирину Федоровну, съ ней вмѣстѣ путешествуетъ въ Москву, съ ней потомъ бѣжить въ Ярославль, въ деревню Малышеву, гдѣ прельщаетъ и вводитъ въ обманъ купчиху Настуху;—всюду и вездѣ водить Ирину съ собою вплоть до самой смерти. Основатель секты Статейниковъ Никита Семеновъ также постоянно бѣгалъ съ любовницами.

Вообще отрицательное отношеніе странниковъ къ браку породило среди нихъ такія гнусныя ужасныя картины разврата, о которыхъ бы не хотѣлось ни говорить, ни писать. Мы, конечно, такъ и поступили бы, если бы странники смиренно сознавали свои недостатки, грѣхи свои, если бы они, имѣя бревно въ своемъ глазѣ, не старались злорадно указывать на сучекъ въ глазѣ ближняго. «Ближніе» странникамъ—это старообрядцы—часовеннаго толка, потому что тѣ и другіе одинаково безпоповцы. И вотъ объ этихъ часовенныхъ странники пишутъ, что ихъ «называемые пастыри—старики почему то допускаютъ мѣнять женъ, не правящихся своимъ мужьямъ, а также допускаютъ женамъ

мѣнять мужьями». «Подобныхъ фактовъ,—читаемъ мы въ брошюрѣ бѣгуна Петрова,— въ часовенномъ—стариковщинскомъ обществѣ очень много, потому что распущенная, развращенная нравственность ихъ пастырей стариковъ не позволяетъ взыскивать за паденія съ ихъ пасомыхъ». (См. брош. «Странствующее общество», стр. 26). О другихъ сторонахъ нравственной непорядочности часовенныхъ, брошюра Петрова злорадно сообщаетъ: «въ Пермскомъ уѣздѣ, въ с. Васильевскомъ бывають базарные дни по попельникамъ. Въ эти дни каждый можетъ видѣть крайнюю безнравственность старообрядцевъ-часовенныхъ; тамъ не только молодые, но даже и пожилые мужчины увеселяются за хмѣльными напѣтками съ мнимыми сестрами. Такія происшествія можно видѣть у торгующихъ пьяной овсяной брагой» (тамъ же, стр. 24).

Мы не защитники нравственной безупречности часовеннаго согласія. Для насъ часовенные—такіе же еретики—раздорники, какъ и странники. Однако при чтеніи странническихъ извѣстовъ противъ часовенныхъ невольно приходитъ на мысль Христоваго слова: «что ты смотришь на сучекъ въ глазѣ брата твоего, а бревно въ своемъ глазѣ не чувствуешь? Лицемеръ! Вынь прежде бревно изъ твоего глаза». (Матѣ. 7, 3—5). И дѣйствительно, если мы сравнимъ нравственность часовенныхъ и нравственность странниковъ, то эти двѣ нравственности будутъ такъ же мало похожи одна на другую, какъ сучекъ мало похожъ на бревно. «Лѣтопись страннической секты,—пишетъ проф. Ивановскій,—наполнена самыми возмутительными и ужасными фактами разврата, соединенными съ грубыми изнасилованіями и истязаніями. Начиная съ Евфимія, по показаніямъ странниковъ, нѣтъ ни одного наставника, который не имѣлъ бы наложницъ. Къ этому присоединились воровство и грабежи, подавшіе поводъ къ самому открытію секты въ 1852 году, а также убійства. («Руководство по исторіи и обличенію стар. раскола» стр. 116—117).

«Безнравственность бѣгуновъ,—читаемъ мы у Ливанова,—до глубины души возмущаетъ всякаго, кто хотя мало мальски слыхалъ что либо о нравственности.» «Тѣло играетъ, а душа непорочна», говорятъ странники, предаваясь разнаго рода оргіямъ. Но единогласнымъ показаніямъ бѣгуновъ оказалось, что нѣтъ ни одного странническаго наставника, который не имѣлъ бы нѣсколькихъ наложницъ, которому усволяется право первому начать развратъ съ невинною дѣвушкою, вступающею въ «странство». И чѣмъ важнѣе наставникъ, тѣмъ больше гордости внушается связью съ нимъ несчастной жертвы. *Одинъ наставникъ жилъ со своею родною дочерью.* Но судя по тому, что странники бросаютъ дѣтей своихъ, гдѣ пошало, есть основаніе разчитывать, что подобныхъ случаевъ бываетъ не мало. Изъ собственноручной исповѣди одного странническаго наставника Александра Васильева оказалось, что все ея содержаніе заключается въ перечисленіи съ разными гнусными подробностями грѣховъ противъ 7-й заповѣди». (Раск. и Острож.), т. 4, стр. 64—65). «Нравственность въ другихъ отношеніяхъ ужасна. Нѣтъ

люте странника въ ревности и жестокости, пѣтъ мошенника и вора ловче въ искусствѣ пожить на чужой счетъ, ради Христа... Пьянство странниковъ доходитъ до крайнихъ предѣловъ: эти вселенскіе монахи проводятъ время въ кабачныхъ увеселеніяхъ. Наконецъ, въ случаѣ опасности, даже мнимой, убить кого бы то ни было у странниковъ вничемъ» (тамъ же, стр. 160—161).

Не менѣе ярко характеризуетъ нравственность странниковъ и Пятницкій. «Въ печальномъ видѣ,—говоритъ онъ,—у странниковъ нравственность.... Изъ самаго ученія странниковъ и изъ требованій отъ вступающаго въ секту, ясно, что въ основѣ у сектаторовъ лежитъ строгій аскетизмъ, и по наружному виду дѣйствительные странники—въ монахи. Но практика жизни ихъ говоритъ совершенно противоположное. «Правила нашей секты,—говоритъ одинъ странникъ, очень строги, но ихъ почти никто не исполняетъ»;—«живутъ, кто какъ хочетъ»,—дополняетъ другой. Вообще же,—по показаніямъ самихъ сектаторовъ,—странники ведутъ жизнь весьма распутную. Жена со времени вступленія въ секту признается совершенно чуждою, прежній бракъ—прелюбодѣланіемъ,—гораздо большимъ грѣхомъ, чѣмъ блудъ, потому что брачное состояніе, по возрѣнію странниковъ,—есть состояніе безирерывнаго и безсознательнаго блуда и потому не сопровождаемаго поканіемъ, тогда какъ послѣ каждаго блуда человекъ обыкновенно познаетъ свой грѣхъ и кается. Правда, существуютъ у странниковъ за блудъ епитиміи, но это впрочемъ не улучшаетъ дѣла. Наставники ихъ какъ будто нарочно стараются идти въ данномъ отношеніи впереди своей паствы. Обыкновенно наставники содержатъ у себя въ кельѣ стряпухъ, болѣе изъ молодыхъ дѣвицъ,—другіе, какъ Александръ Васильевъ, судя по его исповѣди, вступаютъ въ преступныя связи при каждомъ удобномъ къ тому случаѣ, такъ что нерѣдко грязная жизнь наставника выстаетъ наружу и возбуждаетъ негодованіе даже среди его послѣдователей, заставляя ихъ прибѣгать къ своему суду, какъ это было и даже съ самымъ виднымъ вождемъ секты Никитой Семеновымъ. А одинъ наставникъ ихъ Аванасій въ своемъ женолобіи дошелъ до поступковъ, переходящихъ даже всякія границы. За наставниками идетъ и паства. Слѣдственная комиссія нашла, что всѣ пойманныя незамужнія странницы, по собственному ихъ признанію и по освидѣтельствованію нѣкоторыхъ изъ нихъ,—оказались не сохранившими дѣвственности; даже 15-лѣтняя дѣвочка была также растлѣна. Шестъ подсудимыхъ странницъ и три странника оказались въ венерической болѣзни и т. д. Словомъ, нравственность странниковъ доводитъ до того, что почему либо возвратившіяся изъ бѣговъ дѣвушки съ плачемъ и омерзеніемъ вспоминаютъ о жизни своей въ странствѣ». («Секта странниковъ», стр. 155—159).

Тоже самое женолобіе доводило иногда странниковъ до самыхъ ужасныхъ преступленій. Одинъ, напр., странникъ изувѣчилъ свою любовницу, избивъ ее до потери сознанія кнутомъ и обрѣзавъ ей уши. (Келье. IV, стр. 282); другой тоже изъ-за жен-

щины не пощадилъ жизни своего соперника, безчеловѣчно заморивъ его голодною смертью. («Душевн. Чт.» 1863 г., III, стр. 118—119).

Конечно, рождаются дѣти и отъ блуда, рождаются они поэтому и у странниковъ. Но какъ же относятся странники къ этимъ плодамъ своей мнимо-иноческой и мнимодѣвственной жизни? «У всѣхъ бѣгуновъ,—пишетъ Ливановъ,—по ихъ правиламъ и по убѣренію людей, близко ихъ знающихъ, убивать дѣтей не только не считается грѣхомъ, но еще заслугой предъ Богомъ, какъ у нынѣшнихъ индейскихъ туговъ. Для чего теперь рождаютъ, говорятъ бѣгуны, чтобы позволить дитя подъ антихристову печать? Лучше ему не рождаться и не видѣть этого Вавилона, не дышать его заразою, не подвергаться гибели неминуемой и скорой. Избавить отъ этого кого бы то ни было, слѣдовательно и дитя,—лучшая жертва Богу. Вдовы и особенно дѣвки «спроваживаютъ» поэтому дѣтей къ каждой мѣстности по своему: выдавливаютъ, вытравливаютъ, бросаютъ въ воду, зарываютъ въ землю и т. под.» («Раск. и Острож.», т. 4, стр. 169).

То-же самое свидѣтельствуешь и Пятницкій. «Зародышъ, по его словамъ, обыкновенно или вытравляется при посредствѣ какихъ либо снадобій, или въ случаѣ, если послѣднія не подѣйствуютъ, дѣтей подкидываютъ, или же просто бросаютъ въ лѣсу, или, наконецъ, въ какомъ другомъ удобномъ для того мѣстѣ. Въ одной мѣстности, изобилующей странниками, при чисткѣ пруда было найдено болѣе 30 младенческихъ тѣлъ. Известный уже намъ наставникъ Александръ Васильевъ въ своей исповѣди рассказываетъ о себѣ, что онъ два раза практиковалъ подкидываніе незаконно прижитыхъ имъ младенцевъ и разъ добывалъ снадобья, чтобы вытравить незаконный плодъ.» («Секта странниковъ», стр. 158). «Да и вообще,—заключаетъ Пятницкій,—по убѣжденію странниковъ, дѣтей, прижитыхъ въ странствѣ, нужно умерщвлять» (тамъ же).

Полагаемъ, что приведенныхъ свидѣтельствъ совершенно достаточно для того, чтобы опредѣлить, къ какимъ послѣдствіямъ привело странниковъ ихъ нечестивое и безумное ученіе о бракѣ. Отъ ужаса стынетъ и леденѣетъ кровь при чтеніи этихъ свидѣтельствъ. Между тѣмъ всѣ подобныя ужасы и мерзости творятся въ страннической сектѣ и до сихъ поръ. Намъ пришлось познакомиться съ подлинными опредѣленіями «соборовъ» странниковъ за 1907, 1908, 1909, 1910 и 1911 годы со всѣми относящимися къ этимъ соборамъ документами. И вотъ во всѣхъ этихъ документахъ красной нитью проходятъ, главнымъ образомъ, разслѣдованія о крайней безнравственности или даже преступныхъ поступкахъ «старцевъ» и «старницъ», начиная съ старѣйшаго «преимущаго» Корнилія Петровича. За послѣднимъ оказались такія ужасныя гнусности и мерзости, что даже сами странники пришли въ трепетъ и смѣнили его на соборѣ 21 августа 1910 года изъ «преимущихъ», отдавъ подъ началье какому то Ивану Михайловичу.

Изъ цѣлаго ряда однородныхъ «соборныхъ» разсмотрѣній за указанные годы мы возьмемъ для примѣра одно, болѣе всѣхъ другихъ невинное по своему содержанію.

Однако, и здѣсь совѣтъ христіанина должна прійти въ великое смущеніе и негодованіе. На «соборѣ» въ апрѣлѣ 1909 года между прочимъ разсматривалось дѣло нѣкоего «старца» Григорія Ивановича. Вины его, по «соборному» разслѣдованію, записаны слѣдующія: «въ нынѣшней великій постъ (т. е., въ 1909 году) позволилъ себѣ каждый день чрезмѣрное винопитіе, чѣмъ соблазнилъ не только «христолюбцевъ», но и жителей деревни Харлаушей. Даже сидѣлецъ вишней лавки сталъ зазирать, говоря: «вотъ такъ странники—христіане! Когда же вы, страннички, уснѣваете»?!. Въ Рождеству Христову вишневая молодая дѣвица Марина Петровна, а по «святомъ» (бѣгуномъ) крещеніи Марія, приносила ему уже не по одной бутылкѣ, а сразу по четыре. Онъ кушаетъ гусятину (это монахъ то?). У него цѣлая корзина гусиныхъ головъ и лапокъ. Въ Рождество Христово позвалъ къ себѣ молодыхъ «старичъ» Анисью Деву около 20 лѣтъ и другую около 30 лѣтъ, пріѣхавшихъ изъ Челябинска. Послѣ моленія Григорій Ивановичъ выдворилъ изъ избы «видовыхъ», а со «старичами», оставаясь въ кельѣ, занимался такимъ безчинствомъ и чрезмѣрнымъ пьянствомъ, что едва ли кто и въ мірѣ живущіе могли это сдѣлать». (Слова эти принадлежатъ самимъ бѣгунамъ).

Но довольно! Довольно этихъ гнусностей и мерзостей!..

Повторимъ, мы бы никогда не коснулись ихъ, зная, что въ каждомъ религіозномъ обществѣ возможны у нѣкоторыхъ членовъ подобныя преступленія и пороки; мы бы никогда не коснулись ихъ, если бы странники не подымали гордо голову предъ другими, если бы не выставляли себя, по фарисейски, людьми воздержанными, монашествующими въ полномъ смыслѣ этого слова, если бы, наконецъ, злорадно не осуждали другихъ старообрядцевъ, не осуждали за вѣны гораздо меньшія, чѣмъ имѣются у самихъ и особенно у своихъ главарей. Въ то же время указанные факты наглядно убѣждаютъ насъ, до какой громадной степени ученіе странниковъ противоположно ихъ жизни. Противоположность эта не выставляется такъ рѣзко ни въ одной старообрядческой сектѣ, какъ именно у странниковъ. Ихъ ученіе и жизнь положительно идутъ въ разрѣзъ. Странничество, по его принципу, какъ уже выяснили мы, есть самый строгій аскетизмъ, тотъ аскетизмъ, который проповѣдывали древніе еретики-безбрачники. Судя по странническимъ сочиненіямъ, бѣгуны обязаны принимать за идеалъ своей жизни старо-поморскій скитскій уставъ. Въ жизни же выходить совершенно другое, чего бы постыдились даже язычники. Страшно, но дѣйствительно такъ сложился нашъ русскій расколъ, что чѣмъ больше на аскетическихъ началахъ основывается секта, тѣмъ къ грубѣйшему и полнѣйшему разврату приводитъ она послѣдователей своихъ. Такъ обнаружилось въ сектѣ бѣдосѣевцевъ, такъ тѣмъ болѣе случилось и съ сектою бѣгуновъ-странниковъ....

Что же вообще, представляетъ собою бѣгунство въ нравственно бытовомъ отношеніи?

«Странничество,—говорит Ливановъ,—какъ стадообразное первобытное состояніе дикаго общества, во-первыхъ, разрушаетъ крестьянскій бытъ. Вступающій крестьянинъ въ странничество покидаетъ свой домъ навсегда, и съ уходомъ его хозяйство и хлѣбопашество безъ него не поддерживаются, семейство обнищаетъ и, наконецъ, премѣръ отца дѣйствуетъ на жену и дѣтей, и вся семья изъ зажиточныхъ превращается въ шатающихся бродягъ... Во-вторыхъ, бродяжничество странниковъ укореняетъ въ нихъ духъ своеволія и приводитъ ихъ къ распутству. Во время странства ушедшіе разлучаются—мужъ съ женою, отецъ и мать съ дѣтьми: каждый изъ нихъ шатается и нищенствуетъ самъ по себѣ... Къ этому слѣдуетъ присовокупить гстуиленіе въ эту секту дезертировъ, укрывающихся отъ преслѣдованія ихъ начальствъ и крестьянъ, избавляющихся отъ рекрутства бѣгствомъ. Такимъ образомъ, все несвященное, дѣшное и распутное въ массѣ народной составило странническое согласіе, покрытое тайною, подъ которою легко исполнять все порочныя страсти и даже преступленія, живя въ довольствѣ и не опасаясь меча правосудія» (т. 4, стр. 179—180).

Въ ученіи и бытъ странниковъ есть въ то же время весьма хорошая почва для эксплоатации тѣхъ изъ нихъ, которые еще не приняли дѣйствительнаго странничества и пока являются «оглашенными». Это такъ называемые «христолюбцы» или приставодержатели, которые обязаны скрывать и кормить у себя известное число странникозъ дѣйствительныхъ, «избранныхъ». И вотъ, «избранные» живутъ на всемъ готовомъ, не трудясь сами,—живутъ въ покоѣ, въ довольствѣ, а «оглашенные», т. е. «христолюбцы» обязаны на нихъ работать и въ то же время почитать счастьемъ для себя, если живутъ у нихъ «избранные».

Впрочемъ, и въ этомъ отношеніи странники опять же не оригинальны, не самостоятельны, а являются подражателями сроднымъ имъ еретикамъ манихеямъ. «Есть,—пишетъ о послѣднихъ св. Епифаній Кипрскій,—такъ называемые у нихъ избранные. И дѣйствительно они избраны діаволомъ для осужденія, чтобы исполнилось сказанное: «и пищи своя избранная» (Аевак. 1, 16). Ибо они сидятъ трутнями и ничего не дѣлаютъ, а суетятся (2 Солун. 3, 11) и ничего не знаютъ; объ нихъ возвѣщаетъ св. Апостоль, говоря какъ бы по пророческому вѣдѣнію, что нѣкоторые праздные и самоугодники приходятъ не отъ Божественнаго ученія, а оглушенные ученіемъ діавольскимъ... Они повелѣваютъ своимъ оглашеннымъ роскошно кормить избранныхъ. И тѣ приносятъ своимъ избраннымъ все, что только нужно, конечно, для того, чтобы оказался благочестивымъ тотъ, кто питаетъ души избранныя» (т. 4, стр. 15—16). Такъ вотъ и въ сектѣ странниковъ, гдѣ «избранные» также могутъ быть названы избранными отъ діавола, какъ праздные и самоугодники. Они сидятъ трутнями, а другіе за нихъ работаютъ, отбываютъ государственныя повинности,

и т. под., за что этимъ послѣднимъ и дается позволеніе вести покуда семейную жизнь, производить торговые обороты и т. д. Такая сдѣлка бѣгунскаго аскетизма съ толстыми кошельками раскольнической знати—не новость въ расколѣ; богачамъ все дозволяется, лишь бы они содержали «избранныхъ». Однако, держать на своемъ изживеніи десять—двѣнадцать «трутней» составляетъ, конечно, довольно внушительный годовой расходъ. И вотъ, «христолюбцы», сметивши въ чемъ дѣло, обратили свое пристанодержательство въ промыселъ. «Когда,—пишетъ Ливановъ,—пристанодержательство явилось одной изъ фирмъ мимо—религіозной жизни, тогда нашлось много сметливыхъ людей и такихъ, которые обратили пристанодержательство въ ремесло. Сбѣжить, напр., изъ семьи парень или дѣвка, обобравши своего отца, ограбить кого на дорогѣ бѣгунъ,—и складываетъ воровскія вещи у пристанодержателя. Изъ такихъ промышленниковъ—пристанодержателей есть нѣкоторые такіе смѣльчаки, которые не прочь и пришибить странника, чтобы воспользоваться сполна добычею, если она не мала» т. 4, стр. 150).

Такъ вотъ какова секта странниковъ!!..

По мѣрѣ своихъ силъ мы указали, когда произошла эта секта и кто былъ ея родоначальникъ. Какъ явившаяся сравнительно недавно, какъ получившая свое начало отъ бѣлаго солдата Евфимія, она никоимъ образомъ не можетъ быть названа церковью Христовой, спасающей чадь своихъ. Она не церковь,—а синагога антихристова, или лучше сказать та церковь, о которой псалмопѣвецъ восклицаетъ: *«возненавидѣхъ церковь лукавнующихъ, и съ нечестивыми не сяду»*. (Псал. 25, ст. 5). По мѣрѣ силъ своихъ мы уяснили и основныя черты лжеученія бѣгунства и въ то же время не оставили мы безъ вниманія и нравственной стороны этой секты. Предъ нами прошло ученіе, полное вмѣсто любви христіанской, самой ярой и непримиримой вражды къ существующему гражданскому строю,—ученіе, которое отвергло Христову заповѣдь воздавать «кесарево кесарю», воскресивъ ересь Иуды и Фавды. Предъ нами прошло ученіе, основнымъ догматомъ котораго является безумное убѣжденіе въ чувственномъ царствованіи антихриста въ лицѣ Царствующихъ Особъ нашей родины. Предъ нами, наконецъ, прошли люди, нравственный обликъ которыхъ долженъ до глубины души возмущать всякаго вѣрующаго христіанина. Это тѣ «срамники и осквернители», о которыхъ св. ап. Петръ пишетъ: *«сѣи же, яко скоти животни, естествомъ бывше въ погибель и тлю, въ нитѣ же не разумѣютъ гудяще, во истльнѣи своемъ истльютъ,.... сквернители и порочницы, питающесея лестми своими, ядуще же съ вами: они имуще исполнить блудоудьянія и непрестаемаго грѣха, прельщающе души неутверждены, сердце научено лигоимству имуще, клятвы тада»* (2 Петр. 2, 12—14). *«Судъ имъ давно стоеть, и глѣбель ихъ ве дремлетъ»* (2 Петр. 2, 3). Ждетъ погибель и тѣхъ, кто

склоняетъ уши свои и сердца своя къ этимъ еретикамъ «злословесникамъ, сожженнымъ въ совѣсти своей». «Какъ Содомъ и Гоморра и окрестные города, подобно имъ блудодействовавшие и ходившіе за зною плотью, подверглись казни огня вѣчнаго,—такъ точно будетъ и съ сими мечтателями, которые оскверняютъ плоть, отвергаютъ начальства и злословятъ высокія власти» (Іуд. ст. 7 и 8). Будемъ же льстить себя надеждой, что наши разъясненія пагубныхъ съей бѣгства послужатъ на пользу заблуждавшихъ братьевъ нашихъ. По слову св. Григорія Богослова, «мы домогаемся не победы, а возвращенія братьевъ, разлука съ которыми терзаетъ насъ». (Слово на Пятидесятницу). Даже если и одинъ изъ увлеченныхъ въ бѣгство оставить его пагубный путь и придетъ въ спасительную ограду церкви Христовой, то и въ этомъ полагаемъ мы всю силу своей благодарственной молитвы къ Спасителю, всю свою радость и цѣль своей жизни.

Миссіонеръ-священникъ **Василій Мерозевъ.**

Изъ уличной бесѣды.

Былъ праздничный день. На зеленой лужайкѣ улицы сидѣлъ я, окруженный толпою народа, который пришолъ послушать «Глаголы Живаго Бога». Гористая мѣстность, зелень травы, берегъ рѣки—напоминали намъ «нагорную проповѣдь» и, неволью хотѣлось перенестись къ тому счастливому времени, когда наша земля освятилась Божественными стопами Христа Жизнодавца. На этотъ разъ свою уличную бесѣду я началъ словами пророка Давида: «Скажи мнѣ, Господи, путь, въ оныя же пойду».....—Укажи намъ, Господи, ту дорогу, или по которой мы могли бы достигнуть твоихъ райскихъ обителей. Смотришь на жизнь и сколько видишь разныхъ дорогъ, различныхъ направлений, идя по которымъ, люди хвалятъ каждый свой избранный путь. «Идите къ намъ»—говорятъ они, «у насъ хорошо, у насъ радость и счастье». Нѣтъ—говорятъ другіе—идите къ намъ, у насъ еще лучше, у насъ рай палъ съ неба. Идетъ человекъ туда и сюда, но не находитъ сердцу отрады, душѣ успокоенія. Правда, бываютъ минуты самообольщенія, когда человекъ, упоенный временнымъ счастьемъ, улаживаетъ участь свою. Но долго ли длитса эти минуты мірскаго обаянія? Проходитъ не много времени и притупившіяся чувства въ земныхъ наслажденіяхъ не получаютъ удовлетворенія: въ душѣ возгарается вновь неутомимая жажда большихъ и разнообразныхъ наслажденій. Такъ гдѣ же та желанная дорога, тотъ правильный путь, находясь на которомъ человекъ могъ бы назвать себя счастливымъ и блаженнымъ? Путь этотъ указанъ намъ въ Св. Евангеліи. Раскрывъ эту Священную книгу, я началъ читать Евангельскія заповѣди Блаженства и, приравниваясь къ уровню пониманія слушателей—разъяснилъ ихъ

смыслъ и значеніе. Сказавъ въ заключеніе, что счастливъ тотъ человекъ, который живетъ по Евангелію, исполняя все написанное тамъ—я хотѣлъ было уходить. Но въ это время, изъ толпы слушателей, выступилъ полуинтеллигентный человекъ и остановилъ меня со словами: «Вотъ, вы говорите, что надо жить по Евангелію, а между тѣмъ сами иногда заставляете отступать отъ Евангелія, не исполнять то, что заповѣдано намъ Спасителемъ».

Слушатели, съ раскрытыми ртами и удивленными взорами, вопросительно стали смотрѣть то—на его, то—на меня, какъ бы говоря: ну-ка, что дальше то будетъ? А совопросникъ вѣка сего между тѣмъ продолжалъ: «Будьте добры, найдите то мѣсто въ Евангеліи, гдѣ Спаситель запретилъ всякую клятву». Что дѣлать пришлось остановиться и вступить въ словопреніе. Найдя мѣсто о запрещеніи употребленія клятвы, я прочиталъ въ слухъ: «Не клянитесь ни небомъ, ни землею, ни иною какою клятвою, буди же слово ваше: ей, ей; ни, ни; лишше же сею, отъ неприязни, есть» (Мѡ. 5, 34—37). «Такъ вотъ, видите—воодушевленно заговорилъ человекъ Толстовскаго духа—здѣсь ясно сказано, что по заповѣди Христа мы не должны произносить клятву, а вы заставляете часто людей произносить ее предъ св. Крестомъ и св. Евангеліемъ, не грѣхъ ли это?! не явное ли противодѣйствіе заповѣтамъ Христа?!

Другъ мой, сказалъ я, я могъ бы указать вамъ на многія книги толкователей, гдѣ ясно разъясненъ смыслъ этого Евангельскаго изреченія, но, за неимѣніемъ въ настоящее время таковыхъ, послушайте, что я скажу вамъ. Закономъ ветхозавѣтнымъ строго запрещалось іудеямъ употребленіе имени Божія во лжу (Лев. 19—12); но ревнители буквы закона—набожные фарисеи—нашли возможнымъ обойти запрещеніе закона, измысливъ клятвы небомъ, землею, Іерусалимомъ и др. Безъ произнесенія имени Бога—Іеговы, эти клятвы не считались обязательными для исполненія, ими клялись во лжу, не считая это нарушеніемъ требованія закона. Христосъ Спаситель словами «не клятеся всяко» запрещаетъ не только ложную клятву, но, какъ приходившій не разрушить законъ или отмѣнить, уничтожить, «но исполнить», т. е. восполнить, усовершенствовать,—заповѣдуетъ своимъ послѣдователямъ совершенно не клятеся, не говоря уже о клятвѣ ложной. «Такъ вотъ, видите и вы согласились со мной»—съ сіяющимъ лицомъ и улыбкой заговорилъ мой совопросникъ. Такъ почему же православная церковь считаетъ клятву дозволенною?—Отвѣтомъ на предложенный вопросъ послужило въ разъясненіе дальнѣйшихъ словъ Спасителя: «Лишше же сею отъ неприязни, есть». Въ этихъ словахъ заключается вся суть дѣла относительно употребленія клятвы, точно и ясно указанъ источникъ, откуда является клятва въ жизни христіанъ.

Клятва, по словамъ Иисуса Христа, есть проявленіе зла, дѣйствующаго въ мірѣ съ тѣхъ поръ, какъ лзли наши прародители; она—«отъ непріязни», следовательно то, что выше, болѣе простаго утвержденія или отрицанія, то «отъ непріязни», т. е., отъ зла, отъ нашей грѣховной немощи, порождаемой испорченностію человѣческой природы. Если бы между нами не было недоверія другъ къ другу, если бы мы жили свято и честно, не допуская злѣ отношеніяхъ къ ближнимъ лжи и обмана, то не было бы и клятвы, вызываемой этимъ недоверіемъ. Люди совершенные въ нравственномъ отношеніи, къ которымъ приложимы слова писанія—«праведнику законъ не лежитъ», не имѣютъ нужды въ употребленіи, такъ какъ они безусловно доверяютъ другъ—другу. Но такъ какъ мы не свободны отъ грѣха, такъ какъ и весь міръ, по слову апостола, во злѣ лежитъ (1 Іоан. 5, 18), а это зло, эти плевелы—«сынове непріязни» пребудутъ до скончанія вѣка (Мѣ. 13, 30), то и проявленіе зла будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока оно совершенно не будетъ уничтожено, пока не упряднится послѣдній врагъ—смерть; отсюда и клятва, какъ дѣйствіе отъ «непріязни», необходимо должна быть въ благодатномъ Царствѣ Христовомъ. Не объ отмытѣ клятвы должно заботиться, а прежде всего объ искорененіи разныхъ несогласій между людьми, о прекращеніи среди нихъ преступленій, уничтоженіи того зла, той «непріязни», которая обуславливаетъ необходимость клятвы. Еще повторю.—Если бы мы жили лучше, честнѣе, между нами не было бы недоверія, излишней была бы для насъ и клятва. Въ настоящемъ же грѣховномъ состояніи пока не достигли мѣры возраста исполненія Христова, мы только должны стремиться обходиться безъ клятвы, но не можемъ не употреблять ея вовсе.

Получивъ отъ слушателей благодарность за разъясненіе и бесѣду, мы всѣ пошли по домамъ. И мой соперникъ, молча, пошелъ также домой. Остался ли доволенъ имъ моимъ разъясненіемъ—не знаю.

Свящ. В. Долгихъ.

Редакторъ К. Любимовъ.

СКЛАДЪ УТВАРИ ПЕРМСКАГО ЕПАРХІАЛЬНАГО СВѢЧНОГО ЗАВОДА.

— ПРОДАЖА: —

парчи, бархату, плащаницъ, хоругвей, воздуховъ, готовыхъ облаченій, камилавокъ, скуфей, паникадилъ, подсвѣчниковъ, евангелій, апостоловъ, на престольныхъ и священническихъ крестовъ, дарохранительницъ, иконъ художественной работы для подношеній и проч. церковной утвари серебряной и апликовой

по фабричнымъ цѣнамъ,

а также чистыхъ восковыхъ свѣчъ, елея, ладона, экономическаго угля и фитиля.

ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ на колокола, церковную утварь, иконы, кресты и главы для церквей и часовень.

— ПРОДАЖА БЕЗЪ ЗАПРОСА. —

Пермь, Красноуфимская улица, домъ Грибушиныхъ.

СОДЕРЖАНІЕ. 1. Дидактическіе очерки. 2. Секта странниковъ предъ судомъ святоотеческаго пислоія. 3. Изъ уличной бесѣды. 4. Объявленія.

Дозволено цензурою. Цензоръ протоіерей Андрей Знаменскій.

Пермь. Типо-Литограф. Губернскаго Правленія